

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С.Г. Шафиков
**Типология лексических систем и лексико-
семантических универсалий**

Научный редактор:
д-р филологических наук, профессор Л.М. Васильев

Шафиков С.Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий / Издание Башкирского университета. Уфа, 2000. - с.

Монография посвящена проблеме языковых универсалий, преимущественно относящихся к лексической семантике, в частности универсалий семантического (в том числе фразеосемантического) поля и его единиц, универсалий полисемии, а также внутренней формы лексем и фразеологизмов.

Рецензенты: зав. кафедрой иностранных языков БГМУ д.ф.н. проф. А.П.Майоров; кафедра английского языка БГМУ

© Шафиков С.Г., 2004 г.
© Башкирский университет, 2004 г.

УФА 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.....	7
-------------------------------------	---

ГЛАВА I. ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ.....	9
--	----------

<i>Раздел 1. КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ МИРА И ЯЗЫКОВАЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ.....</i>	<i>9</i>
--	----------

1. Диалектика общего и индивидуального в языках.....	9
2. Модель мира и его концептуализация в языках.....	11
3. Структура модели мира и истинность репрезентирующей системы.....	15
4. Языковая относительность.....	17
5. Гипотеза языковой относительности.....	23
6. Язык и мышление: мышление без языка.....	31

<i>Раздел 2. УНИВЕРСАЛИИ И ЯЗЫК МЫШЛЕНИЯ.....</i>	<i>33</i>
---	-----------

1. Взаимная переводимость языков как свидетельство существования универсалий.....	33
2. Универсалии в философских языках.....	36
3. Структура и язык мышления.....	40
3.1. Три подхода к понятию "язык мышления".....	40
3.2. Язык мышления как врожденная способность к языку.....	42
3.3. Язык мышления как универсальная репрезентативная система.....	44
3.4. Язык мышления как язык универсалий.....	46

<i>Раздел 3. КАТЕГОРИЗАЦИЯ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ.....</i>	<i>48</i>
---	-----------

1. Когнитивный подход к объяснению общего и различного в языках.....	48
1.1. Категоризация и категории.....	49
1.2. Структура категории и наименование.....	50
1.3. Прототипические категории.....	51
1.4. Иерархия категорий.....	53
1.5. Структура языкового лексикона как отражение структуры категорий.....	54
2. Универсальные концептуальные категи.....	58
2.1. Универсальные перцептивные категории.....	58

2.2. Универсальные социальные категории.....	61
--	----

ГЛАВА II. ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ И ЛИНГВИСТИКА УНИВЕРСАЛИЙ.....	65
--	-----------

<i>Раздел 1. ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ.....</i>	<i>65</i>
--	-----------

1. Типологический метод изучения языков.....	65
2. История лингвистической типологии.....	67
3. Родственные связи типологии.....	69
4. Место типологии в сравнительном языкознании.....	72
5. Разделы лингвистической типологии.....	75
6. Тип и проблема цельносистемной типологии.....	78
7. Когнитивный подход в типологии.....	82
8. Проблема типологизации лексики.....	84
9. Язык-эталон и метаязык.....	93

<i>Раздел 2. ЛИНГВИСТИКА УНИВЕРСАЛИЙ И УНИВЕРСАЛИИ В ЛЕКСИКЕ.....</i>	<i>95</i>
---	-----------

1. КАК и ЧТО в типологии универсалий.....	95
2. Типология и эпистемология языковых универсалий.....	96
3. Формальные и субстантивные универсалии.....	98
4. Синхронные и диахронные универсалии.....	101
5. Простые и сложные имплицативные универсалии.....	102
6. Универсалии и почти-универсалии.....	103
7. Причины существования языковых универсалий.....	108
8. Лексико-семантические универсалии.....	111

ГЛАВА III. СЕМАНТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ В ЛЕКСИКЕ.....	117
--	------------

<i>Раздел 1. МЕТАЯЗЫК ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ.....</i>	<i>117</i>
--	------------

1. Метаязык исследования.....	117
2. Объект эмпирического исследования.....	118
3. Наименование как репрезентант единицы семантического поля.....	120
4. Цель эмпирического исследования.....	121
5. Типизация семантического поля.....	123
6. Семная структура семантического поля.....	126

6.1. Простое поле: семантические поля родства и свойства...	126
6.2. Сложное поле: поле физического восприятия.....	128
Раздел 2. МЕТАЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ	
В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ.....	130
1. Универсалии семантического поля.....	130
1.1. Таксономическая глубина.....	130
1.2. Таксономическая ширина.....	131
1.3. Плотность семантической структуры поля.....	133
1.4. Номинативная аттракция сем.....	135
1.5. Значимость сем в языковой системе.....	138
1.6. Резюме.....	139
2. Универсальные связи единиц семантического поля.....	141
2.1. Полисемантические универсалии.....	141
2.1.1. Уровень и степень полисемантической семантем.....	143
2.1.2. Семантическая аттракция смыслов.....	144
2.1.3. Типы семантических связей внутри семантем.....	148
2.1.4. Типология субкатегориальных связей внутри семантем.....	156
2.2. Фразеосемантические универсалии.....	159
2.2.1. Типизация фразеосемантического поля.....	160
2.2.2. Поле соматизмов: опыт исследования фразеосемантических универсалий.....	162
2.3. Категориально-семантические универсалии.....	171
2.3.1. Варьирование категориальной семы в поле «физическое восприятие».....	172
2.3.2. Опыт исследования категориально-семантических универсалий (на материале соматизмов, зоонимов и терминов родства).....	174
ГЛАВА IV. УНИВЕРСАЛИИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ.....	182
Раздел 1. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА	
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ.....	182
1. Непосредственно и опосредованно выраженная коннотация.....	182
2. Внутренняя форма лексической единицы как часть языкового значения.....	183
3. Мотивация и мотивированность.....	186
4. Типология внутренней формы лексической единицы.....	189

5. Структура внутренней формы: типология номинаций, варьируемых по структуре внутренней форме.....	193
Раздел 2. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ	
ЛЕКСЕМ В ЭКВИВАЛЕНТНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ	
ПОЛЯХ.....	195
1. Структура внутренней формы наименований частей тела, животных, физического восприятия, деятеля, родства и свойств в языках сравнения.....	195
2. Классификация наименований по экспликации мотивирующих признаков.....	199
Раздел 3. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	205
1. Когнитивная модель человека и коннотация фразеологизма.....	205
2. Опыт исследования оценочных фразеологизмов (на материале соматических фразеологизмов).....	209
ЛИТЕРАТУРА.....	212
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	225

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Автор настоящего исследования стремится рассмотреть проблему языковых универсалий в духе интеграции достижений современной когнитивной лингвистики и традиционной типологии языков. Основное внимание при этом уделяется проблематике семантических универсалий в лексике в рамках лексико-семантической типологии. К сожалению, наука о лексико-семантических универсалиях продолжает оставаться в зачаточном состоянии. Это объясняется как сложностью изучения лексики в силу ее динамического характера и глобальности стоящего за ней концептуального мира, так и тенденциозным отношением, которое все еще проявляется в отношении лексической семантики.

Отличие данной работы от предыдущей монографии («Языковые универсалии и проблемы лексической семантики», Уфа, 1998) состоит в сочетании концепции лексико-семантической типологии с типологическим исследованием конкретного материала в конкретных языках. При этом текст второго издания, в отличие от текста первого издания (Уфа, 2000), в значительной мере переработан и исправлен (в частности изменению подверглась композиция работы); кроме того, настоящее издание содержит теоретический материал, отсутствующий в предыдущем издании и касающийся прагматического аспекта языкового значения.

Автор считает многообразие языков отражением многообразия объективного мира, а их единообразие результатом общности человеческой когниции. В связи с этим основное внимание уделяется вопросам, связанным с когнитивной и языковой моделями мира, с влиянием языковых структур на структуры человеческого ума, с категоризацией и типологией универсальных категорий мышления; при этом точка зрения автора не всегда совпадает с известными трактовками. В эмпирической части автор видит свою задачу в интерпретации установленных дедуктивно семантических универсалий на материале эквивалентных лексических объединений в русском, английском, французском и татарском языках. В соответствии с этим объектом внимания служит **семантическое поле**, понимаемое как метаязыковая универсалия лексической семантики и рассматриваемое в духе взаимодействия **компонентно-полевой теории** и **теории прототипов**. Индуктивное исследование типологически тождественных семантических полей важно для решения основной задачи типологии, а именно идентификации конкретных языковых систем по отношению к некоему стандарту (эталонной системе).

Создание лексико-семантической типологии языков, вероятно, следует начинать с отбора той лексики, которая представляет наибольшую

значимость для человека. В этом смысле изучение традиционных для лингвистики семантических полей объясняется не столько традицией опережающего изучения наиболее структурированных пластов лексики, сколько их коммуникативной ценностью во всех языках. В настоящей работе рассматривается 6 семантических полей: наименования родства, свойства, частей тела, наименования животных, деятеля и в идов физического восприятия, различающихся как объемом, так и структурой, например поле «физическое восприятие», в отличие от остальных, простых полей, строится комплексно исходя из нескольких категориальных сем, а именно сем процессуальности, признаковости и субстанциональности.

Все вышесказанное определяет композицию работы, которая состоит из 4 глав (при этом каждая глава делится на разделы и параграфы), списка литературы и приложения, включающее таблицы с результатами компонентного семантического анализа. **Первая глава** («Языковые универсалии и типология языков») включает 3 раздела: 1) «Когнитивная модель мира и языковая относительность», 2) «Универсалии и язык мышления», 3) «Категоризация и универсальные категории». **Вторая глава** («Типология языков и лингвистика универсалий») включает 2 раздела: 1) «Типология языков», 2) «Лингвистика универсалий и универсалии в лексике». **Третья глава** («Семантические универсалии в лексике») состоит из 2 разделов: «Метаязык лексико-семантической типологии», 2) «Метаязыковые универсалии в лексической семантике». **Четвертая глава** («Универсалии внутренней формы») состоит из 3 разделов: 1) «Внутренняя форма лексем», 2) «Опыт изучения внутренней формы лексем в эквивалентных семантических полях», 3) «Внутренняя форма фразеологизмов».

Автор считает невозможным переоценить актуальность проблемы универсалий для лингвистики вообще и лексической семантики в частности, а также важность дедуктивных исследований в этой области. Данная работа как опыт теоретико-эмпирического исследования в русле создаваемой лексико-семантической типологии и лингвистики лексико-семантических универсалий не претендует, однако, на универсальность теоретических положений и полноту фактического материала.

Автор глубоко признателен научному редактору доктору филологических наук проф. Л.М. Васильеву за ценные замечания и моральную поддержку, без которой эта работа не могла бы появиться на свет.

ГЛАВА I. ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

Раздел 1. КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ МИРА И ЯЗЫКОВАЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

1. Диалектика общего и индивидуального в языках

Любой человек, владеющий, кроме родного языка, каким-либо другим естественным языком, знает о существовании сходств и различий между языками. Как бы ни были несхожи языки в генетическом и структурном отношении, как бы далеко ни отстояли они друг от друга в пространстве и времени, они обязательно обнаруживают единство по своим фундаментальным свойствам, различаясь в то же время по *внутренней форме* или "порождающему язык духу", по выражению В.Гумбольдта [Гумбольдт 1984,75].

При этом общее в языках сокровенно, тогда как более доступное для обнаружения различие выступает зачастую на поверхности сравниваемых явлений. "Поверхностное межъязыковое различие, - пишет Р.Лангакер, - часто скрывает единообразие, которое лежит в глубине" [Langacker 1973, 246], отражая общее устройство всех естественных языков. Подобное единообразие, обнаруживаемое в конкретных языках, определяет суть языка как рода, и установление этого единообразия представляется делом более важным, чем установление межъязыковых различий, поскольку позволяет выделить quintэссенцию человеческого языка и параметры психологического единства человечества.

Эта проблема, которая в языкознании называется *проблемой языковых универсалий*, есть частный случай философской трактовки универсального.

В картезианской парадигме универсалии определяются как общие признаки между вещами, по которым эти вещи классифицируются и категоризируются. Так, определение объекта как "роза" означает указание того, что есть общего между розами, и различение роз и не-роз [Markova 1982, 120].

В гегельянской парадигме универсалии образуют нечто большее, чем общие признаки объектов, представляющие собой лишь "фантомы", пустые и абстрактные обобщения. Гегель рассматривает *общее* в диалектическом единстве с *особым* и *индивидуальным*. Особое есть манифестация общего в индивидуальном объекте, а общее существует только благодаря своей реализации в особом, которое характеризует

индивидуальный объект. Идентификация объекта в качестве розы есть указание на индивидуальный объект. Идентифицируя объект с розой, говорящий не просто различает его благодаря таким признакам как "красный цвет", "наличие шипов", "определенный запах" и т.д., общим для всех видов роз, но и осознает эти признаки как универсалии, выражающие себя особым, определенным образом в данном индивидуальном объекте. Хотя красный цвет есть общий признак, присущий многим розам, красный цвет данной конкретной розы отличается своей особостью по сравнению с цветом других роз. "Особое, - говорит Гегель, - есть антитеза общего: нет общего без особого и особого без общего. Соединяясь в неразрывное целое, общее и особое образуют индивидуальное" [Markova 1982,121].

Казалось бы, гегелевская концепция не выходит за пределы тривиального утверждения о том, что определенные объекты имеют некоторые общие черты, в то время как другие объекты различаются между собой. Данное утверждение сближает Гегеля с Аристотелем, который разграничивает *субстанции*, такие как "человек", "лошадь", "роза" и т.д., и *случайные свойства*, такие как "качество", "деятельность", "отношение" и т.д. Однако универсалии Гегеля имеют диалектический характер, являясь развитием антитезы "универсальное": "особое". Поэтому особое в определенных условиях может стать универсальным; например, в соответствии со своей теорией развития видов Дарвин объясняет выживание предка муравьеда развитием особого признака, а именно появлением длинного языка, превратившегося в универсальный признак нового вида при смене условий обитания.

Гегелевская диалектика в применении к языку подразумевает, что конкретные языки суть особые формы проявления универсального. Вместе с тем антитеза общего и индивидуального в языках должна учитывать ее общий источник, которым является не происхождение и общее развитие языков, а мышление, отражающее внешний мир. Следовательно, проявление общего и индивидуального в языках менее диалектично, чем в философии, в силу существования в языках абсолютно общего, то есть такого универсального, которое присуще всем языкам независимо от их происхождения, а также жизненных условий, культуры и уровня знаний их носителей. Универсалии в языке определяют границу действия антитезы "общее": "индивидуальное" в языках.

Вследствие особого характера проявления этой антитезы в философии языка и языкознании получило развитие учение Декарта о врожденных идеях. Например, философской основой так называемой *хомскианской революции* служит предоставление о существовании общих принципов строения всех языков, которые считаются универсальными

вследствие врожденной способности человека к усвоению языка. Аналогичным образом учение о *семантических примитивах* А.Вежбицкой восходит к Лейбницу, который вслед за Декартом объясняет врожденные идеи способностью ума к их порождению под воздействием внешнего мира и чувства. Гипотеза о языке мышления Дж.Фодора или "Lingua Mentalis" А.Вежбицкой, равно как и теория М.Бирвиша [Бирвиш 1981] о семантических признаках языковых единиц, образующих универсальный инвентарь человеческого ума, используемый избирательно конкретными языками, также исходит из картезианской парадигмы.

Диалектика общего и индивидуального проявляется в классификации языков по характерным свойствам, напоминающим семейные сходства. Идея семейных сходств восходит к Л.Витгенштейну, который обосновывает ее на знаменитом примере с понятием "игра" [Витгенштейн 1984, 110]. Такая сложная сеть подобий, накладывающихся друг на друга, есть не что иное, как постоянный переход общего в свою противоположность - различие. Постоянное действие этого принципа создает основу поливариантности в классификации языков: определенный параметр, взятый в качестве основа классификации как общий признак, в другой классификации выступает как индивидуальный, и наоборот.

Семейные сходства логически можно выразить формулой АВ, ВС, СД, ДЕ и т.д. [Ungerer, Schmid 1996, 26], в которой каждая категория содержит общего с соседней категорией представителя, сохраняя при этом свое отличие. Если рассматривать конкретные языки в качестве объектов категории "язык", то ее атрибуты, то есть признаки, сближающие и различающие языки, будут общими для одной пары и разными для другой пары объектов общей категории. Иными словами, то, что сближает один язык с другим, различает его с третьим.

Таким образом, резюмируя, можно заключить, что общее в языках следует рассматривать в единстве с индивидуальным, признавая, однако, примат общего, вследствие особого, абсолютного характера проявления общего в виде языковых универсалий. Внутренние структуры языков гораздо более сходны, чем их поверхностные структуры, то есть семантически языки различаются относительно неглубоко [Чейф 1975, 98]. Преувеличение различий между языками объясняется преувеличенным вниманием к материальной стороне языка, в то время как большее внимание должно уделяться его функциональной стороне. Направление внимания на функционирование языка, стремление к выяснению его категориальных основ естественным образом приводит к выводу о примате универсального в языках.

2. Модель мира и его концептуализация в языках

Существование общих и индивидуальных свойств языков есть результат отражения разных свойств мира в мировых языках. Сознание человека отражает эти свойства в виде целостного психического образа или *картины мира*, закрепляя этот образ в языковых формах.

Термин *картина мира* впервые употребляется еще на рубеже веков физиком В.Герцем применительно к физическому миру. В.Герц трактует это понятие как совокупность внутренних образов внешних объектов, служащих для выведения логических суждений о поведении этих объектов. Эти образы, по мнению В.Герца, отражают существенные свойства объектов, включая минимум пустых, лишних отношений, хотя полностью избежать их не удастся, так как образы создаются умом [Постовалова 1988, 12].

В.И.Постовалова определяет картину мира как глобальный образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека, то есть выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной деятельности [Постовалова 1988, 21]. С этим определением можно согласиться, добавив лишь, что мировой образ складывается в результате комплексной деятельности человека, включающей как духовный, так и чувственный опыт. Поскольку чувственный опыт различается от индивида к индивиду, картина мира есть личностная интерпретация мира, скрытого от глаз человека в своих глубинных свойствах. В строгом смысле слова имеется столько образов мира, сколько наблюдателей, контактирующих с ним.

Целостный образ мира, очевидно, реализуется как сумма теоретических (философско-научных или религиозно-художественных) и донаучных форм познания. Однако практическая реализация инвариантного образа мира через синтез своих вариантов есть вопрос дискуссионный, равно как и целевое формирование универсальной картины мира.

В последнее время происходит изменение понятия "картина мира" (Weltbild, worldview); на смену наглядности "картины" приходит наглядность "модели", "интегрального знания", "матрицы" и т.д. [Соколовская 1993, 2]. Термин *картина мира* все еще сохраняется в силу отражательной функции модели, не объясняющей, а лишь описывающей устройство окружающего мира. Однако вследствие своей образности, указывающей на некую зеркальность, связанную с отражением скорее внешних, чем внутренних атрибутов мира, этот термин все же малопригоден. Более подходящим представляется термин *когнитивная модель мира*, поскольку *модель* подразумевает наиболее существенные, как внешние, так и внутренние характеристики объекта моделирования.

Когнитивная модель мира есть концептуальная репрезентация действительности в многообразии его внешних и внутренних связей, существующая в виде определенной системы понятий. В каждой культуре эта система включает такие общие понятия как «время», «пространство», «изменение», «причина», «следствие», «число», «отношение», «часть», «целое» и т.д. Однако когнитивная модель мира включает не только наиболее общие и, следовательно, потенциально универсальные для всех культур понятия, но и все вообще представления человека об окружающей действительности.

Поскольку концептуализация мира осуществляется через язык, возникает вопрос о взаимоотношении между когнитивной моделью мира и ее языковой репрезентацией.

Ж.Соколовская считает логичным представление о мире языковой семантики, существующем наряду с "химическим", "физическим", "биологическим" и другими мирами [Соколовская 1993, 6]. Очевидно, однако, что язык не образует автономной модели мира, подобной той, которая осуществляется в химии, физике, биологии и других науках. Модель мира, репрезентируемая языком, включает в себя наиболее общие понятия из разных наук и изменяется в связи с изменениями концепции о мире в этих науках.

Г.В.Колшанский считает, что "в гносеологическом плане действительно отношение не "язык" - "мышление", а "языкомышление" - "мир", и "правильно поэтому говорить не о языковой картине мира, а о языко-мыслительной картине мира" [Колшанский 1990, 37]. Такое полное слияние когнитивной и языковой моделей мира приводит к фактическому отождествлению языка и мышления и - как следствие - может наводить на мысль о жестком влиянии языковых структур на структуры мышления. В дальнейшем, однако, Г.В.Колшанский признает, что "языковая картина мира есть вторичное существование объективной картины мира" [Колшанский 1990, 40], и такая вторичность означает не что иное, как принципиальную зависимость языка от мышления. Языковая модель мира не параллельна когнитивной модели и не тождественна ей, а встроена в нее в качестве подсистемы [Коменская 1993, 39].

Эта подсистема обладает активной обратной связью. Изменение когнитивной модели в связи с приобретением нового знания может вызвать изменение языковой модели, и, наоборот, обогащение языка новой лексикой, равно как и усвоение его индивидом изменяет мир человеческих представлений о мире. Поэтому можно согласиться с выводом Ю.Н.Караулова о зыбкости границы между языковой и понятийной моделями мира [Караулов 1976, 271]. В процессе познавательной

деятельности человека происходит постоянное изменение, обогащение, уточнение структур, образующих модели мира в мышлении и языке.

Принципиально важным в вопросе о взаимоотношении между миром и его отражением в сознании и языке является *способ концептуализации мира*.

Элементарная форма представления когнитивного содержания осуществляется через наименование. "Посредством именования, - пишет Р.Г.Авоян, - вещь оказывается включенной в сферу мысли и перестает быть сугубо внешней, становится конструктом умственной деятельности" [Авоян 1985, 75]. Наименование позволяет обнаружить и закрепить в себе внутреннее единство внешне несходных вещей реального мира, отделить каждую вещь от других вещей, а также от самой себя. Отделение же вещи самой от себя превращает ее в факт, знание, формируемое в языке.

Функция наименования заключается в репрезентации стоящего за ним когнитивного содержания. Эта репрезентация может осуществляться через выделение какого-либо признака называемой вещи, так что само наименование служит лишь меткой концепта, всего мыслительного содержания, подводимого под него [Серебренников 1988, 76].

Так же как наименование представляет концепт, возбуждая его в сознании языкового субъекта, так и концепт представляет реальную субстанцию, его свойство или отношение, существующее между субстанциями или свойствами или мыслимое как существующее в реальном мире.

Рассматривая с точки зрения репрезентативной функции соотношение между миром и его отражением в сознании и языке, можно полагать, что языковой мир есть репрезентант концептуального мира, который в свою очередь репрезентирует реальный объективный мир. Как считает Дж.Серль, способ, которым язык представляет мир, является расширением и репрезентацией способа, посредством которого сознание представляет мир. Таким образом, язык выводится из сознания, будучи лишь "эвристическим средством объяснения интенциональности", главного компонента сознания [Серль 1987, 100-101].

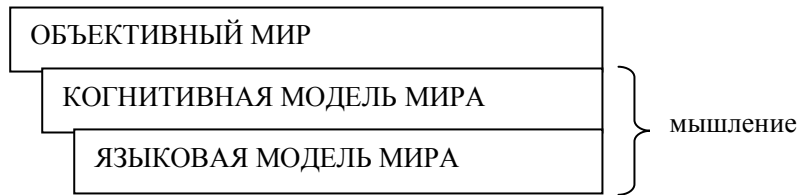
Репрезентирующая система всегда беднее репрезентируемой системы, так же как метаязык беднее естественного языка. Так же как понятие по отношению к соответствующему участку опыта, а наименование по отношению к идентифицируемому им понятию, так мышление беднее опыта, а язык беднее мышления.

Взаимное соотношение трех миров, репрезентирующих друг друга, можно представить себе в виде наложенных друг на друга разных по величине прямоугольников, каждый из которых в функции *репрезентанта*

всегда меньше по объему, чем смежная фигура - *репрезентатум* (см. следующую схему):

Схема №1

Такая схема, разумеется, не учитывает межъязыковые различия, обусловленные различным опытом и характером человеческой категоризации. Когнитивная и языковая модели мира представлены в схеме как подсистемы мышления, между которыми предполагается активная взаимная связь.

3. Структура модели мира и истинность репрезентирующей системы

"Скелетом" модели мира служат категории, представляющие внеязыковую действительность в виде содержательных дискретных сущностей: для когнитивной модели это *когнитивные (понятийные) категории*, а для языковой модели - *семантические модели языка*. Между этими типами категорий не существует ни полного изоморфизма, ни явного противопоставления. Различие же сводится главным образом к тому, что семантические категории, в отличие от категорий мышления, "воплощены в конкретных языковых средствах (лексических, грамматических и др.), специфических для каждого языка", и "тесно связаны со сферой коннотаций, то есть дополнительным смысловым содержанием, соотношенным с образным мышлением и со сферой структурных значимостей и функций, то есть с различными типами сугубо языкового знания" [Васильев 1990, 138].

Когнитивные категории, представляя знания человека, ориентируются на общие закономерности окружающего его мира, такие как пространство, время, бытие, субстанция, форма, количество, качество, действие, состояние, движение, степень, место, направление и т.д. Эти и другие менее абстрактные категории репрезентируются в языковой модели семантическими категориями с помощью лексических средств и средств явной и скрытой грамматики. К лексическим средствам относятся простые и сложные единицы языкового лексикона (симплексы и комплексы), представляющие категории в "чистом" виде, то есть непосредственно. К средствам явной грамматики можно отнести формальные и содержательные

грамматические категории, а к средствам скрытой грамматики - общие компоненты языковых значений, обнаруживаемые в оппозициях лексических единиц, семантические валентности предикатных значений (например, синтагматические семы субъектности, объектности, адресатности и т.п.), лексико-семантические и синтаксические модели деривации, а также лексический и синтаксический контекст [Васильев 1990, 137-139]. Между собой семантические категории, как и их прототипы (когнитивные категории) делятся на простые и сложные, находясь в различных логических взаимоотношениях, главным из которых является иерархия.

Поскольку семантические категории, отражающие когнитивные категории, представляют чувственный опыт сообразно со способами, характерными для каждого данного языка, возникает вопрос о степени адекватности этого представления или истинности репрезентирующей системы. В более общем виде этот вопрос формулируется как проблема взаимоотношений между двумя подсистемами мышления, то есть как проблема взаимодействия когнитивной и языковой моделей. Эта проблема называется обычно *проблемой языковой относительности* и рассматривается в рамках гипотезы с тем же названием.

Таким образом, взаимоотношение между двумя подсистемами мышления не сводится к вопросу о степени истинности репрезентирующей системы. В этой связи Г.В. Колшанский справедливо замечает, что язык не может быть ни истинным, ни ложным по отношению к первичному миру и его вторичный характер не накладывает никаких ограничений на возможность формирования различных высказываний о мире во всем многообразии его бытия [Колшанский 1990, 37]. А.Болинджер приводит американскую сентенцию *Guns don't kill people, people kill people* "стреляют люди, а не ружья" [Bolinger 1980, 68], которая означает, что сам язык - это только средство, которое можно применять с разными целями, так же как ружье можно использовать с целью убийства человека, хотя само ружье не стреляет; точно так же и язык не является деминугом концептуальной модели, а лишь средством ее существования.

Вместе с тем было бы ошибкой считать, что языковые репрезентации когнитивной модели мира происходят только из различного опыта освоения объективного мира. Система понятий, образующая когнитивную модель мира, отражает его не целиком; напротив, целостное отражение мира может не вмещаться в его концептуальную модель. Иначе невозможно было бы объяснить такие понятия, как "единорог", "ведьма", "душа", существующие в виде признаков объектов, но не самих объектов реального мира. Поэтому можно говорить об отсутствии соответствия между

когнитивной моделью и репрезентативностью этой модели, если не в целом, то в частностях.

Несмотря на это, взаимопонимание людей как внутри языкового коллектива, так и между языковыми культурами есть объективный факт, который может объясняться только одним - наличием общей логико-понятийной системы, на основе которой строятся различные когнитивные модели мира. Логико-понятийная система зиждется на принципиальной универсальности человеческого опыта, обусловленной единым устройством мира и единой человеческой природой. Многочисленные физиологические механизмы, встроенные в генетическую систему человека обеспечивают психологическое единство человечества, которое можно назвать альфой и омегой межчеловеческого общения и взаимопонимания.

4. Языковая относительность

Всякое межъязыковое различие есть проявление языковой относительности. Языковая относительность понимается здесь как различие между языками, проистекающее из сложного взаимодействия когнитивных и языковых структур, а не только как влияние языка на мышление и поведение в результате межъязыковых различий.

Можно выделить три вида языковой относительности, вызванные своеобразием концептуализации окружающего мира, и, соответственно, три фактора межъязыковых различий: *фактор ландшафта*, *фактор культуры* и *фактор глубины знания*.

Фактор ландшафта. Наиболее простой вид языковой относительности вследствие различия опыта обусловлен влиянием жизненных условий носителей разных языков. Например, в эскимосском языке существует множество терминов для обозначения снега [Devitt, Sterelny 1987, 174], в языке гаро (Бирма) много терминов, обозначающих рис [Clark, Clark 1978, 228], а типичный словарь американского побережья Тихого океана, например, индейцев-нутка, включает подробные таксономии морских животных; при этом словарь нутка отражает не фауну саму по себе, а скорее заинтересованность людей в свойствах среды своего обитания; "если бы нутка добывали себе пищу, охотясь на суше или разводя овощи, то, без сомнения, их словарь не был бы в такой степени насыщен морскими терминами несмотря на их жизнь вблизи моря" [Сэпир 1993, 272]. Таким образом, словарь в полной мере отражает интерес носителей языка к физической среде, представляя собой кладезь всех идей, интересов и занятий, характеризующих данное общество.

Фактор культуры. Другой вид языковой относительности вследствие различного опыта обусловлен влиянием верований, традиций,

обычаев национальной культуры определенного исторически-сложившегося типа. Как известно, функция языка состоит не в рационалистическом объяснении окружающего мира. Язык есть эволюционный механизм, адаптированный к человеку, и, если человеку угодно считать существующими ведьм или чтобы психология зиждилась на четырех темпераментах, то в языке будут и ведьмы и темпераменты [Bickerton 1990, 46].

Рассматривая категории существительных в языке дьирбал (Австралия) с классификаторами *bayi*, *balan*, *balam*, *bala*, Дж.Лакофф замечает, что хотя центральными объектами категории *balan* являются женщины, девушки и девочки, эта категория включает в себя в качестве периферийных представителей боевые копья, жгучие растения, спички и другие столь же опасные вещи, как и женщины; кроме того, категория включает также птиц вследствие поверья, что птицы - это души умерших женщин [Лакофф 1988, 21].

Когнитивные репрезентации, то есть своеобразные кванты получаемой вследствие опыта информации, образуют зависимые от культуры когнитивные модели. Поскольку фоном для каждой когнитивной модели служит культура народа в определенной внеязыковой сфере, то такие когнитивные модели можно назвать *культурными моделями* [Ungerer, Schmid 1987, 50]. Так, культурные модели стола для русского и японца будут различаться, так как европейский и японский столы различаются по высоте настолько, что расположиться за японским столом можно только сидя на полу.

Французское наименование *petit dejeuner* служит эквивалентом английского *breakfast* в значении "первая трапеза дня". Различие в культурных моделях проявляется здесь в количестве и составе еды: французский завтрак - это обычно большой бокал кофе и хрустящая булка (*croissant*), а традиционный английский завтрак настолько обилён, что может включать овсянку, молоко, апельсиновый сок, тосты, хлеб с маслом, бекон с яйцами, сосиски с томатами.

Как замечает Э.Сепир, в некоторых языках трудно выразить различие между *kill* и *murder*, ясно ощущаемое в английском языке, поскольку правовые нормы, определяющие употребление этих слов не представляются естественными для всех обществ. Различие, которое кажется неизбежным, "может полностью игнорироваться языками, отражающими совершенно иной тип культуры, а эти последние могут, в свою очередь, приводить различия, непонятные для нас" [Сэпир 1993, 243].

В большинстве языков мира термины родства *á* и свойств дифференцированно обозначают кровного родителя и родителя по брачным

связям рожденных, например в русском языке: *отец - тесть, мать - теща*. Вместе с тем семантическая модель, которая образует наименования родителей по браку через соотнесение с наименованием кровного родителя, обнаруживается во многих генетически и структурно далеких друг от друга языках. Обозначение тещи по типу англ. *mother-in-law*, фр. *belle-mère*, нем. *Schwieger-mutter*, тат. *қаен-ана* выражает, очевидно, растущее ощущение равнозначности родства по крови и родства по браку. Судя по ясной внутренней форме, связанной с внешним строением таких наименований, эта модель отражает не только культурную относительность, но и культурную эволюцию по сравнению с более архаичной номинацией с помощью отдельных универбов в русском языке типа *теща* и *свекровь*.

В качестве культурной модели можно рассматривать также такое собирательное слово как *сорняк* в русском языке, имеющее точные эквиваленты во многих западных языках. Эта модель отражает, агрономическую агрессивность европейского земледельца, антропоцентрический эгоизм человека, питающегося от земли. Вообще многие естественные (народные) таксономии обусловлены культурно. Например, наименования категорий "овощ" и "фрукт", равно как и представительство в этих категориях, выражают не столько познанный категоризацию растительного мира, сколько гастрономические взгляды европейца. Поэтому в европейских языках томат категоризируется как овощ, а не фрукт, а в языке дьирбал морской ерш, будучи опасным для человека, подводится не под род рыб, а под родовую категорию, центральный объект которого представляют женщины [Лакофф 1988, 15].

Фактор глубины знания. Языковая относительность может мотивироваться не только различием в самом опыте общения с миром под воздействием социального и культурного факторов, но и глубиной опыта. Таким образом, можно говорить об отражении в языке познания мира не только "вширь", но и "вглубь". Концептуализация опыта, связанного с познанием скрытых от непосредственного наблюдения вещей, свойств и отношений проявляется в виде двух противоположных тенденций - *концептуальной специализации* и *концептуальной генерализации*. Первая тенденция связана со специализацией в обозначении частей познанного мира, что ведет к углублению таксономии, гипонимизации, а вторая - с генерализацией общих свойств мира, что ведет к появлению гиперонимов. Обе тенденции могут проявляться также одновременно.

С когнитивной точки зрения степень познания действительности определяет большую или меньшую степень жесткости языковой категории. Так, для дилетанта все автомобили похожи друг на друга, поэтому соответствующая категория для него является более жесткой, чем для

специалиста. Столь же жесткой в целом представляется таксономия живого мира в работе Б.Берлина и его коллег, в которой выделяются 5 иерархически организованных уровней контраста [Berlin, Bredlove, Raven 1973] (см. следующую схему):

Схема №2

1) единый источник	<i>plant</i>
2) форма существования	<i>tree</i>
3) родовое название	<i>pine</i>
4) видовое название	<i>Ponderosa pine</i>
5) название разновидности	<i>Western Ponderosa pine</i>

Жесткость таксономии сглаживается наличием так называемого *среднего уровня иерархии*, универсального для всех языков. Средний уровень иерархии, который представлен в схеме третьим по счету, включает обычно около 500 категорий, в то время как число категорий других уровней варьируется в разных языках. Если нижние уровни свидетельствуют о развитии и уровне общественного знания в данной естественной сфере в целом, то концептуализация верхних уровней только косвенным образом связана с развитием цивилизации в европейском понимании этого слова, указывая лишь на развитие абстрактного мышления в данной концептуальной сфере.

О.Есперсен отмечает нехватку гиперонимов в так называемых примитивных языках; так, у аборигенов Тасмании отсутствует общее название дерева; у могижан понятие "резать" передается разными словами в зависимости от ситуации; в зулусском языке можно сказать "красная корова" или "белая корова", однако нельзя сказать просто "корова" и т.д. [Jespersen 1922, 429-431]. Объяснение этому ученый видит в том, что "примитивные" народы, в отличие от "культурных", не считают существенным общее между явлениями одного порядка, и, в этом смысле, "цивилизация означает... увеличение числа абстрактных терминов и уменьшение числа специальных слов" [Jespersen 1941, 45]. Такой подход представляется все же упрощенным, поскольку не учитывает различия в глубине опыта общения с миром в разных культурах. Относительность языкового содержания здесь проявляется как "полезность" гиперонима в языке вследствие существенного общественного интереса к соответствующему факту. Нет ничего удивительного в том, что классический арабский язык содержит около 100 наименований верблюда; гораздо удивительнее было бы, если бы их не было в арабском, или если бы они обнаружили в языке бушменов.

Абстрактные термины, необходимые для мышления человеку западной культуры и соответствующего образа жизни, действительно редко

встречаются в языках народов, стоящих на более низкой ступени общественного развития. Однако объяснение этому не должно сводиться к отсутствию осознания общего между явлениями одного порядка в "примитивных" языках, как на это указывает О.Есперсен. В одних случаях развитая специализация сама препятствует монополизму одного общего слова; это проявляется в частности в названиях верблюдов в арабском языке или названиях снега в эскимосском языке или названиях риса в языке гаро. В других случаях отсутствие гиперонима может объясняться отсутствием необходимой глубины опыта. Так, отсутствие в языке индейцев бакайри (Бразилия) общего названия попугая объясняется отсутствием знания о том, что все попугаи представляют собой разновидности попугая как такового, так же как отсутствие чисел свыше 2 у племени бороро объясняется плохим уровнем математики [Harris 1981, 126-127].

Происходит ли эволюционная трансформация языковых систем в сторону увеличения абстрактной лексики за счет уменьшения числа конкретных слов? Вероятно, процесс изменения общего и частного компонентов в лексике носит глубоко диалектический характер. С одной стороны, с углублением опыта происходит подведение его под более рациональные категории, укрупнение познанных категорий. Например, явно архаичной выглядит парадигма выражения понятия "большой" в языке хауса (Судан); эта парадигма включает 300 слов, распределенных по 9 разрядам в зависимости от типа референта: наряду с общим обозначением существуют обозначения для одушевленных объектов, для круглых объектов, для молодых женщин, для домашних животных, для толстых и длинных объектов, для тонких и длинных объектов, для кусков и кусочков, для больших пространств [Milewski 1973, 164]. С высокой степенью вероятности можно полагать, что общее обозначение приобретает приоритетный статус, вытесняя все прочие обозначения в силу закона языковой экономии. Подобная рационализация категорий проявляется также в наблюдаемой в русском языке тенденции называть родственников по браку не готовыми специальными наименованиями, а с помощью расчлененных номинаций с ясной логической структурой: *брат мужа* вместо *деверь*, *сестра жены* вместо *свояченица*, *муж сестры жены* вместо *свояк* и т.д.

С другой стороны, объем конкретной лексики, который уменьшается в концептуализации естественной природы, увеличивается в сфере "второй" природы, окружающей человека. Например, в большинстве "развитых" языков существует множество разрядов конкретной лексики, обслуживающих сферы моды, кулинарии, бытовой техники, интерьера и

т.д. В частности, в английском языке большая группа слов обозначает виды трапезы, в то время как в татарском имеется лишь одно базовое наименование (*аш* "суп; еда, трапеза"), структурно связанное с наименованиями видов трапезы, варьирующихся по признаку «время приема пищи» (*иртәнге аш* "завтрак", *көндөз аш* "обед", *кичке аш* "ужин") [Шафиков 1993].

Ни один из описанных видов языковой относительности, обусловленной внешними факторами, не существует "в чистом виде", напротив, эти виды взаимно пересекаются, очерчивая контур своеобразной для каждого языка модели мира.

Языковая относительность может обуславливаться как непосредственным различием в чувственном опыте, так и его категоризацией, то есть подведением опыта под различные рубрики мышления. Человеческая мысль, отталкиваясь от реальности и обобщая ее, не может не исказить онтологических свойств этой реальности. Например, в польском языке категория *jarzyna* "овощи" включает объекты *marchew* "морковь", *kapusta* "капуста", *salata* "салат", *groch* "горох" и не включает *ziemniaki* "картофель", так как категоризация овощей в европейских языках устанавливается задолго до появления картофеля в Европе. Вместе с тем уровень знания потребителей этого овоща достаточно высок для того, чтобы классифицировать картофель именно как овощ. Вряд ли приемлемо объяснение категориального статуса картофеля важным местом, занимаемым им в рационе среднего потребителя, поскольку такая парадигма исторически изменчива, например, можно указать на столь же сильный статус других овощей до появления картофеля в Европе, в частности капусты в Германии и репы на Руси, что не мешало им оставаться овощами. Логическое, таким образом, может не совпадать с языковым при образовании категории, вследствие своеобразного видения мира человеком.

На это своеобразное видение обозначаемого указывает Л.Витгенштейн, сравнивая способы восприятия чувственного опыта: "Конечно, существуют те или иные способы видения, существуют и случаи, когда тот, кто видит образец так, как правило, и применяет его таким образом, а тот, кто видит его иначе, и обращается с ним по-иному. Например, тот, кто видит в схематическом изображении куба плоскую фигуру, состоящую из квадрата и двух ромбов, пожалуй, выполнит команду "принеси мне такой же!" иначе, чем тот, кто воспринимает это изображение объемно" [Витгенштейн 1994, 114].

Различие в концептуализации цветового спектра разными языками невозможно объяснить, исходя из идеи рациональности или полезности

понятия, из различия в уровнях знания о мире в разных культурах. Утилитарное объяснение такого рода межъязыкового различия было бы сродни, как остроумно замечает Р.Харрис, такому объяснению: "В Британии есть монарх, так как британцы считают это полезным, а во Франции нет монарха, так как французы не считают это полезным" [Harris 1981, 127].

5. Гипотеза языковой относительности

Существуют две гипотезы, объясняющие языковую относительность, которая определяет языковое своеобразие модели мира в каждом языке независимо от различия в опыте познания-мира. Одна гипотеза и называется *гипотезой языковой (лингвистической) относительности* или *гипотезой Сэпира-Уорфа*. Другая гипотеза, принятая в когнитивной лингвистике, объясняет своеобразие когнитивной модели в каждом языке с помощью теории категоризации.

Гипотеза Сэпира-Уорфа есть по существу развитие идеи В.Гумбольдта о внутренней форме языка как порождающем язык духе. Язык для В.Гумбольдта - это внешнее проявление духа народа: "Язык народа есть его дух, и трудно представить себе что-либо более тождественное" [Гумбольдт 1984, 68]. В.Гумбольдт не видит различия между мировидением и языковым образом мира, поскольку "интеллектуальная деятельность" и язык представляют собой единое целое" [Гумбольдт 1984, 75]. Мысль В.Гумбольдта о языке как "оргane, образующем мысль" перекликается с мыслью Э.Сэпира об эвристичности языка и предопределении им определённых способов наблюдения и истолкования действительности [Сэпир 1993, 227]. Так же как для гумбольдтианцев язык представляет собой промежуточное звено между действительным миром и миром сознания, так и для Б.Л.Уорфа родной язык делает членов языкового коллектива участниками определенного договора, который позволяет осмысливать непрерывный поток явлений именно так, а не иначе [Уорф 1960, 192].

Основным глашатаям гипотезы лингвистической относительности считается Б.Л.Уорф, который, однако, несмотря на явную тенденцию к гиперболе, нигде в своих трудах не дает однозначной формулировки своей гипотезы. Тем не менее, его основные идеи можно сформулировать в виде следующих положений: 1) всякое мышление является языковым и осуществляется на конкретном языке, например русском, английском, французском и т.д.; 2) каждый язык с помощью своих структур и лексикона формирует свою логическую модель мира; 3) языки различаются между собой мыслями, навязываемыми языком.

В качестве фактического материала для исследования Б.Л.Уорф берет части речи и определенные языковые категории, такие как "время", "число", "количество" др. в туземных языках, в частности в языке индейцев племени хопи, сравнивая их с соответствиями в западных языках, подводимых под некий средний европейский стандарт (Standard Average European).

По вопросу о языковой относительности существует и продолжает увеличиваться большая литература, в том числе в отечественном языкознании [39; 53; 55; 75]; при этом большинство философов языка в свое время, то есть в период дискуссии по поводу публикаций трудов Уорфа, отвергли идею о языковом детерминизме как чрезмерно экстремистскую, признавая лишь само существование межъязыковых различий. Релятивизм стал, по выражению Дж.Лакоффа, пугалом (*bête noir*), синонимом научной безответственности, путаницы в мыслях, трудовой недобросовестности и даже аморальности [180, 304].

Основной причиной отвержения идей Уорфа является ревизия его эмпирических данных, многие из которых не нашли подтверждения. Например, не подтвердились его выводы о якобы невозможности счета отрезков времени в языке хопи, то есть невозможности, например, сказать "10 дней" и т.д., об отсутствии глагольных времен и другие положения. Не подтвердилось даже наиболее обоснованное примерами утверждение, что "пунктуальные и сегментативные" глагольные формы хопи столь адекватно и исчерпывающе описывают событийность происходящего в мире, что такая глагольная категоризация стоит ближе к физической картине мира, чем в языках с условным названием Standard Average European [Hill 1988, 17]. Справедливости ради стоит заметить, что, во-первых, ошибки делали и многие "ревизоры" Уорфа, без достаточных оснований отмечающие некоторые из его выводов; во-вторых, при проверке многие данные всё же нашли свое подтверждение, например данные Э.Сэпира об отсутствии различия между глаголом и существительным в туземных языках северной части Тихого океана.

Иногда критиков гипотезы Уорфа отпугивает сама интонация, эмоциональный накал его выкладок, которые кажутся тем менее правдоподобными, чем большим сенсационно-таинственным духом они проникнуты. Это априорно заставляет отвергать идею об "искажении мысли языком", о "навязывании" и "давлении" со стороны языка. Критика стремится реабилитировать язык, освободив его от приписываемых ему насильственных интенций: "Язык дает человеку концептуальные ресурсы, не предопределяя, однако, способов его использования. Слово "Земля" позволяет думать о Земле, не говоря ничего о ее плоской или круглой

форме. Имея в распоряжении такие слова, как "бог" и "священный", можно мыслить на религиозные темы, оставаясь до конца жизни атеистом" [Devitt, Sterelny 1987, 174].

Иначе реабилитирует язык В.Джон-Штайнер, подчеркивая различия не между языками, а между подсистемами кодирования отдельных личностей. Поскольку концептуальные ресурсы варьируются от индивида к индивиду, то можно утверждать, что сколько индивидов, столько и моделей мира, определяемых своеобразием речи каждой личности [John-Steiner 1991, 69].

Несмотря на фактические ошибки Уорфа, приведшие его к неверным обобщениям, в настоящее время господствует более взвешенная оценка вклада этого самобытного исследователя в развитие проблемы языка и мышления. Характерно различие в разбросе мнений XX века на рубеже 60-70 гг., с одной стороны, и 80-90 гг., с другой стороны. Если вначале наиболее общее мнение утвердило себя между полным неприятием и осторожным согласием, то теперь оно располагается между взвешенной критикой и полным согласием. Например, Э.Арднер считает, что выводы о культурном релятивизме и культурной обусловленности знания, а также языковой обусловленности культурного опыта были сделаны за Уорфа его интерпретаторами [Ardener 1982, 3]. В доказательство того, что своеобразие таксономии влияет на поведение, Э.Арднер приводит обозначения частей тела в английском языке и языке ибо (Нигерия). В английском языке слово *hand* обозначает кисть руки, а в ибо соответствующее наименование *ака* ограничивает конечность от пальцев до локтевого сустава, выше которого начинается "плечо". При приветствии носитель английского языка пожимает руку (*shake the hand*), в то время как для носителя ибо "*пожать ака*" означает, по свидетельству автора, сжатие всей руки собеседника. Таким образом, получается, что классификация жестовых движений в определенной степени зависит от обозначения частей тела [Ardener 1982, 4]. На это можно возразить примером из русского языка, в котором "рука для пожатия" и "рука в целом" обозначаются одним словом, и, следуя детерминистской логике Арднера, русский, так же как ибо, при приветствии должен был бы пожимать всю руку собеседника до плеча. К сожалению, автор не указывает, как в ибо обозначается кисть руки, и поэтому неясно, проявляется ли в данном случае полисемия или действует "культурный релятивизм".

Обратный экстремизм демонстрирует теория лингвистической нейтральности, противоположная гипотезе лингвистической относительности; в соответствии с этой теорией умственные процессы не зависят от языка, на котором они происходят [Carroll 1972, 7]. Кроме того, в

отечественной лингвистике получил известность сходный с теорией лингвистической нейтральности принцип лингвистической дополнительности, который строится на понятии системы языка [Панфилов 1982, 50]. Этот принцип сводится к утверждению о наличии в любом языке достаточного числа способов выражения, позволяющих компенсировать отсутствие тождественных средств в разных языках. Идею компенсации одних языковых форм другими В.М.Солнцев выражает через тезис *общей соотносимости значений*: "Сумма некоторых значений языка *A* оказывается равна сумме значений языка *B*" [Солнцев 1977, 124]. Такое утверждение, однако, представляется сомнительным. Сумма языковых значений не может быть равна сумме речевых смыслов, могущих быть выраженными лексиконом языка, и, если в языке *A* определенное значение выражается словом, а в языке *B* только словосочетанием или фразеологическим оборотом, то здесь налицо наличие альтернативных концептуальных систем.

Развивая принцип лингвистической дополнительности, Г.А.Брутян утверждает, что при наложении языковой модели мира на его логический эквивалент в сознании образуется периферия, которая через свои языковые образы и модели дает дополнительное видение мира; иначе говоря, языковые модели служат дополнительными источниками познания реальности [Брутян 1972, 57].

П.Саугстад считает, что гипотеза языковой относительности может быть признана истиной, если изменить неприемлемые формулировки Уорфа [Saugstad 1980, 55]. Так, предлагается заменить формулировку "языковые различия приводят к различному пониманию" на выражение "различия в понимании приводят к различиям в языковой структуре". Таким образом, различные способы использования языковых знаков могут быть следствием различных способов решения той же самой или подобной проблемы, которая встречается в коммуникации.

По мнению Дж.Кэрролла причина разных способов категоризации опыта заключается в разнообразии способов его кодирования в языках. Игнорирование различий в одном языке носителями другого языка естественно потому, что эти различия не представляются им существенными для их деятельности, хотя и вполне осознаются [Carroll 1972, 21].

А.Рапорт не видит возможности ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезу Уорфа, поскольку это не научная гипотеза, а скорее мировоззренческая позиция [Raport 1975, 211]. Поэтому невозможно ответить на вопрос вопросов: вызывает ли языковое различие соответствующее различие в восприятии мира? Если в языке нутка нельзя

сказать просто *house* "дом", так как это "язык глаголов" и получается что-то вроде *it houses* (аналогично тому, как в английском языке о дожде говорится *it rains* *"дождит"), и если в английском языке только некоторые цвета также можно выразить глаголом (*he blushes* "он краснеет"), в то время как в русском языке глагольность характеризует большинство цветов (например, *белеет парус, он позеленел от зависти* и т.д.), то означает ли это, что восприятие мира "через глагол" отличается от его восприятия "через имя"? [Rapoport 1975, 210]. По мнению А.Рапопорта, на такой вопрос нет однозначного ответа.

Аналогичного взгляда придерживается М.Шлессинджер, утверждая, что релятивизм Уорфа в принципе нельзя опровергнуть. Параллелизм между мышлением и языком, выраженный формулой "languages differ in the thoughts they afford to us", означает лишь, что такой параллелизм существует, как существует и влияние языка на культуру и мышление. Даже если окажется, что в исследуемой области, например в цветообозначениях, языки проявляют универсализм, то экзистенциальное утверждение подобного рода нельзя опровергнуть, поскольку существуют другие участки опыта [Schlesinger 1991, 31]. Поэтому критика Уорфа, как и сама его позиция, может носить только мировоззренческий характер.

Еще больший мировоззренческий акцент звучит в оценке Дж.Лакоффа, который фаталистически замечает: "Нравится это кому-то или нет, но альтернативные концептуальные системы существуют и, вероятно, не исчезнут в будущем, так как они возникают вследствие фундаментальной человеческой способности концептуализировать опыт" [Lakoff 1988, 336]. Сам Лакофф оценивает существование таких систем не только положительно, но и считает их таким же необходимым условием сохранения рода людского, каким является сохранение разных наборов генов в человеческом генофонде.

Как призыв к сохранению исчезающих языков и культур, открывающих иной, зачастую неожиданный взгляд на мир, сочинения Б.Л.Уорфа вряд ли можно критиковать. Более того, вызывает сочувствие страсть, с которой он ищет различия в языках и нормах культуры; в этой страсти, замечает Дж.Макнамара, есть что-то от радости садовника по поводу красоты и разнообразия природы, от восхищения человеческим умом, который отказывается от единственной системы выражения и порождает удивительное множество языковых форм [Macnamara 1991, 45].

Для демонстрации языковой относительности, не сводимой к различию в опыте, обычно приводят примеры цветообозначений. Поразительное межъязыковое различие в структурировании цветового спектра нельзя объяснить ни влиянием жизненных условий, ни культурными

различиями, ни, наконец, уровнем развития естествознания. Значение имени цвета не может быть определено в терминах физических свойств света, таких как длина волны. "Носители английского языка, включая многих, изучающих "цветовую семантику", - пишет А.Вежбицкая, - обычно имеют дело с такими концептуальными категориями, как "красный", "желтый", "зеленый" или "синий", как правило, не осознавая, что это не более как наивные бытовые категории английского языка. *Blue* - не более общечеловеческий, чем *голубой* или *aoi* [японское слово, обозначающее синий и зеленый цвета - С.Ш.]. Фокусы этих трех категорий могут совпадать или быть близкими, но границы, отделяющие их от других цветов, различны, потому что соответствующие им концепты не обнаруживают такого совпадения" [Вежбицкая 1996б, 285].

Из хрестоматийного примера Л.Ельмслева, показывающего, "как прокладывает границы формирующее действие языка" [Ельмслев 1960, 310], видно, что валлийское слово *glas* охватывает цвета, обозначаемые в английском языке четырьмя словами, передающими темно-зеленый, синий, серый и светло-коричневый тона; при этом это слово обозначает не аморфный сине-зеленый с оттенками зеленого и коричневого цвет, фокус которого может передаваться английским словом *grue*; экстенционал соответствующего понятия охватывает все цвета, передаваемые несколькими английскими словами (см. следующую схему):

Схема №3

Английский язык	<i>green</i>	<i>blue</i>	<i>grey</i>	<i>brown</i>
Валлийский язык	<i>gwyrdd</i>	<i>glas</i>		

В работе Б.Берлина и П.Кэя [Berlin, Kay 1969 1971] на материале 98 языков выводится универсальная последовательность возникновения цветовых категорий в языках - от 2 (минимум) до 11 (максимум) основных лексем. Из работы можно сделать вывод, что концепты "белый" и "черный" универсально выражаются во всех языках. Однако, если в языках есть только два основных цветообозначения, это не значит, что прототипическими, то есть основными объектами соответствующих категорий будут "черный" и "белый". По данным Э.Рош в языке дани (Новая Гвинея) 2 основных цветообозначения *mili* и *mola* делят спектр по линии "холодные цвета" (*mili*) - "теплые цвета" (*mola*) [18, 270]. Фокус цветов *mili* располагается среди самых темных синих и зеленых тонов, в то время как *mola* имеет два фокуса - темно-красный и бледно-розовый. В языке гиджингали (Австралия) также есть два цветообозначения - *gungaltja*

и *gungundja*, однако противопоставление здесь уже идет по линии "блестящее" (*gungaltja*) - "тусклое" (*gungundja*). По наблюдению Л.Хэрвича, если предельно минимизировать число цветообозначений, то с помощью 6 терминов (*красный, желтый, зеленый, синий, белый, черный*) и их комбинаций можно описать все известные цвета [Hurvich 1981, 3]. Как видно из приведенных примеров, в некоторых "примитивных" культурах одно цветообозначение может охватывать половину всего спектра. Из экспериментов следует также, что информанты легко различают фокусные цвета, особенно если соответствующие цветные образцы (таблицы Манселла) сопровождаются названиями цветов.

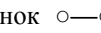
Общепринятой становится различие двух форм теории лингвистической относительности, а именно *крайней* и *умеренной*.

Крайняя форма гипотезы, представленная в трудах предтеч и основоположников (В.Гумбольдт, Э.Сэпир, Б.Л.Уорф), утверждает, что мышление зависит от языка. Такая жесткая формулировка явно несостоятельна по следующим соображениям. Во-первых, такое утверждение фактически отождествляет язык с мышлением через отождествление языковой модели мира с его концептуальной моделью; во-вторых, оно означает признание имманентных свойств языка, предопределяющих через языковые категории образ мышления; в результате каждый язык оказывается как бы приписанным конкретному языковому коллективу, влияя на его нормы поведения и психологию.

Умеренная форма гипотез, во-первых, признает семантические различия между языками, подчеркивая, что эти различия не беспредельны, во-вторых, допускает когнитивные различия как следствие языковых различий на фоне доминирования универсальных когнитивных процессов [Kau, Kempton, 1984, 77].

Таким образом, утверждается *относительное* влияние языка на мышление и *относительное* различие в мировосприятии разных языковых культур. Сложность взаимоотношения между ментальными и языковыми ресурсами предполагает взаимовлияние языка и мышления, что не означает их слияния. Рассмотренные выше примеры видов языковой относительности отражают по сути дела факты влияния мышления на язык. Обратное влияние языка на мышление проявляется обычно в способе, выбираемого языком для выражения мысли по сравнению с другим языком. Справедливым будет и обратное утверждение: для возникновения и существования мысли роль языка тем важнее, чем менее прямой и непосредственной является связь с соответствующим объектом действительности [15, 48]. Прямой способ выражения мысли с помощью языка проявляется в опоре мысли на привычное именование, используемое

в данном языке, в большей простоте, удобстве и регулярности данного способа высказывания в одном языке по сравнению с другим. Таким образом, по-прежнему актуальной остается мысль, высказанная О.С.Ахмановой о том, что "в общем, мысль, опирающаяся на базу готового цельного слова, привычно оформленная семантикой этого слова, возникает при прочих равных условиях непосредственнее и легче, чем мысль, не имеющая такой опоры, такого привычного, устойчивого оформления" [Ахманова 1957, 42]. Многие любители природы, замечает Э.Сэпир, не чувствуют, что они находятся в реальном контакте с ней, пока не овладеют названиями многочисленных цветов и деревьев, как будто словесный мир первичнее мира реального [Сэпир 1993, 218].

Очевидно, самое убедительное влияние языка на мышление происходит в памяти. Наличие словесной этикетки в голове помогает вспоминанию образа вещи. В одном из экспериментов [Clark, Clark 1978, 268] информантам было предложено воспроизвести рисунок ; при этом одна группа информантов получила рисунок с надписью «очки», а другая с надписью «штанга». В первой группе рисунок получился почти у всех испытуемых с изогнутой линией между окружностями, а во второй - с прямой линией, но эллипсами вместо окружностей. Запоминание объекта в языковой форме дается легче, чем в визуальной форме, так же как запоминание визуальной формы, облегчается при наличии языковой этикетки-наименования. Аналогичным образом решение сложной проблемы облегчится, если ее выразить в иной словесной форме. Все это свидетельствует об определенном влиянии языка на мышление, однако сказанное не позволяет говорить о "тирании лексикона" или "интеллектуальной тюрьме", в которую заключено сознание носителя языка. Ошибка Уорфа состоит в отождествлении всех понятийных ресурсов в одном языке с исходным набором этих ресурсов, общим для всех языков. Различные способы мышления, проистекающие из различных когнитивных моделей и индивидуальной языковой тактики, не делают человеческие культуры непроницаемыми при наличии общих понятийных ресурсов, образующих единый концептуальный набор всего человечества [Вежбицкая 1996в,310].

В рамках умеренного варианта гипотезы языковой относительности следует рассматривать вопрос о так называемой *языковой избирательности*. Феномен языковой избирательности состоит в том, что языковая тактика не зависит от отражения логических отношений в мире, поскольку источником избирательных возможностей всех языков является мир человеческой когниции. Когниция позволяет представить воспринимаемый или мыслимый как воспринимаемый объект с разных

сторон, как по его внешнему, так и внутреннему устройству, а также по ассоциациям с другими объектами чувственного мира. Следует, вероятно, согласиться с утверждением о том, что языковая избирательность, обуславливающая различие в концептуализации мира, относится к маргинальным явлениям с точки зрения процесса познания [Хайруллин 1987, 116].

Процесс познания бесконечен, и бесконечно разнообразно проявляется языковая энергия, направленная на репрезентацию познанного мира. Источником этой языковой энергии служит творческая деятельность познающего субъекта, который, сообразуясь с необозримым количеством условий-стимулов в его направленном познании, выбирает и закрепляет в языковой форме каждый раз одно из бесчисленных свойств окружающего мира.

Свойство, закрепленное в виде языковой категории, может представляться с точки зрения другого языка сколько угодно произвольным, однако эта категория отражает познанную объективную действительность. Способы передачи этих бесчисленных свойств объектов, составляющих окружающий мир, маргинальны не сами по себе, а по сравнению с субстанцией передаваемого сообщения. ЧТО передать всегда важнее того, КАК передать, поскольку канал связи вторичен по отношению к самой коммуникации. Языковой релятивизм в умеренной форме сводится, таким образом, к *языковой тактике*, выступающей как маргинальное начало по сравнению с *языковой стратегией*, направленной на концептуализацию универсально-логического, инвариантного в когнитивной модели мира.

Таким образом, интроспективный анализ и языковые эксперименты заставляют склониться к ограниченному варианту гипотезы лингвистической относительности. Основные положения этого варианта можно резюмировать следующим образом: 1) кодифицирование одного участка опыта к одному языку может быть более дифференцированным, чем в другом; 2) различие в кодификации опыта может проистекать из разного знания, отражаясь в языках как проявления внешних факторов языковой относительности; 3) различие в кодификации мира может также быть следствием проявления внутреннего фактора, который заключается в избранной языком тактике кодифицирования; 4) языковая относительность подобного типа может рассматриваться как влияние языка на мышление в смысле более совершенной тактики, используемой одним языком по сравнению с другим; 5) различие между референциальными системами языков не имеет системного характера, поскольку один и тот же язык может проявить Фльшую степень дифференциации в одной сфере опыта, но

меньшую в другой сфере; 6) межязыковое различие не сводится к различиям в логических системах, заложенных в когнитивной модели мира.

6. Язык и мышление: мышление без языка

Завершая раздел, посвященный когнитивной модели мира и языковой относительности, следует коснуться такого аспекта сложной проблемы взаимоотношения языка и мышления как *мышление без языка*. Проблема существования мышления без языка имеет самое прямое отношение к вопросу о существовании языка мышления, который рассматривается в следующем разделе.

То, что язык не может существовать без мышления, не требует доказательства, ввиду очевидной аксиоматичности этого утверждения, однако обратное утверждение о существовании мышления без языка вовсе не аксиоматично и, более того, полемично. Вопрос о том, существует ли мысль, не подкрепленная готовым наименованием, является спорным именно потому, что остается непонятным, на что может опираться мысль.

Очевидно, незнание наименования кенгуру не помешало капитану Куку думать об этих животных, опираясь только на чувственное наблюдение. Даже если по прошествии некоторого времени Кук, очевидно, использовал "рабочие" наименования типа *прыгун* или *прыгающий олень*, все же наименование немисливо без предварительного, хотя бы элементарного знания данного объекта. Поэтому между познанием и названием познанного проходит определенное время, в течение которого понятие уже существует в голове человека.

Мысль безгранична, и "можно представить себе все, что угодно, например, единорога с цветком, растущим из каждой ноздри" [Langacker 1973, 39], хотя соответствующее слово отсутствует. Следовательно, нет основания считать влияние языка на мышление тираническим, поскольку оно проявляется главным образом в большей непосредственности мышления, опирающегося на концепты, для которых существуют готовые слова.

Отсутствие вербального мышления, например, у скульптора за работой, которое компенсируется образным мышлением, или практическое мышление при выполнении определенной физической работы, например такой, как вождение велосипеда, редуцированное вербальное мышление на конкретную тему - все это говорит о наличии и чередовании разных типов человеческого мышления.

Аргументом в пользу того, что мышление может осуществляться без участия языка может служить возникновение обычных затруднений в поисках нужного слова. Если бы мысль без языка была невозможна, то

никогда не возникала бы проблема нахождения языковой тюрьмы для родившейся мысли.

Мышление отражает мир во всем многообразии его связей и свойств, не зная никаких ограничений. Язык же покрывает лишь вербальную часть мышления, накладывая определенные тактические рамки на способ выражения мысли, и в этом смысле язык беднее мысли [Серебrenников 1988, 79].

Резюмируя данный раздел, можно заключить следующее:

- когнитивная модель мира варьируется от индивида к индивиду, культуры к культуре, языка к языку;
- существуют некий инвариант когнитивной модели в виде логико-понятийной системы, которая отражает фундаментальные с человеческой точки зрения свойства мира, такие как количество, качество, изменение, субстанция и т.д.;
- кроме инварианта когнитивная модель отражает также маргинальные, факультативные для коммуникации свойства реального мира;
- язык стремится отразить, прежде всего, инвариант когнитивной модели, проявляя в этом стратегию, общую для всех естественных языков;
- способ отражения инварианта когнитивной модели составляет языковую тактику, индивидуальную для каждого языка;
- тактика или выбор способа концептуализации мира языком есть следствие проявления творческого характера языковой личности;
- языки различаются между собой как маргиналиями, проистекающими из многообразия мира и различия в опыте общения с ним, так и тактиками кодифицирования инварианта;
- главный источник разнообразия языков - многообразие объективного мира, отраженное в сознании; источник их единообразия - общность человеческой когниции.

Раздел 2.

УНИВЕРСАЛИИ И ЯЗЫК МЫШЛЕНИЯ

1. Взаимная переводимость языков как свидетельство существования универсалий

Межъязыковая дивергенция, взаимное влияние языка и мышления, когнитивный плюрализм, ищущий своего выражения в языке, есть еще не вся правда, извлекаемая из сравнения языков. Правда состоит в том, что

различие есть обратная сторона единства, и каждый язык представляет собой индивидуальный объект, в котором универсальное выражает себя особым, неповторимым, уникальным образом. Таким образом, принципиальное обобщение, выводимое из сравнения языков, заключается в том, что, несмотря на различия, все языки устроены по единому образцу, отражающему единство человеческого мышления, психологическое единство человеческого рода.

В связи с этим возникает предположение, что этот единый образец есть своего рода метаязык, представляющий все естественные языки, или так называемый *язык мышления (Lingua Mentalis)*. Если такой язык существует, он должен отличаться от интериоризированной речи, специфической формы конкретного языка, в силу своей принципиальной независимости от естественных языков,

В пользу существования *Lingua Mentalis* свидетельствует практическая взаимная переводимость языков. Обычное возражение против идеи взаимной переводимости языков сводится к утверждению о неадекватности перевода из-за семантических потерь, например при переводе поэтических произведений. Такое возражение К.Поппер отвергает, справедливо замечая, что если невозможен художественный перевод данного высказывания, то это не означает, что невозможен любой перевод [Поппер 1983, 577]. Тезис о неадекватности перевода действителен только для переводчиков, но не для перевода, "ибо степень таланта определяет и степень приближения не только к полноценному, но и к идеальному переводу" [Колшанский 1990, 35].

Однако идеальный перевод, как признается большинством исследователей и теоретиков перевода, остается идеалом, и в этом смысле языки кажутся непереводаемыми. Так, примеры, приводимые Р.А.Будаговым из сравнения немецкого и романских языков, свидетельствуют, на его взгляд, о невозможности нахождения точного перевода. *Guten Abend* "добрый вечер" говорится по-немецки после 8-9 часов вечера, в то время как эквивалентное выражение в итальянском языке *bona sera* употребляется уже после 6 часов вечера; немецкая фраза *Gute Nacht* не полностью соответствует испанскому выражению *buenas noches* "доброй ночи", поскольку понятие "ночь" передается в немецком языке в единственном, а в испанском языке во множественном числе [Будагов 1985, 28].

Действительно, значения эквивалентных единиц разных единиц могут не совпадать. Однако это не означает, что не совпадают и смыслы, если понимать под смыслом когнитивное содержание инвариантного характера, то есть "пучок соответствий между реальными равнозначными

высказываниями" [Бондарко 1992, 5-6].

Выбор между крайними позициями в вопросе об адекватности перевода, которые можно выразить утверждениями типа "все можно однозначно перевести с языка на язык" и "ничего нельзя однозначно перевести с языка на язык", представляется некорректной постановкой проблемы. Все зависит от того, как понимать адекватность: как передачу основного смысла или (кроме того) как передачу всех семантических нюансов переводимого высказывания.

Вследствие запутанности в понимании адекватности перевода возникает неоднозначность в оценках даже у одного и того же автора. Например, теоретически Р.Якобсон выступает против "догмы о непереводимости", утверждая, что "весь когнитивный опыт и его классификация могут передаваться в любом существующем языке" [Jakobson 1959, 235], однако далее находит конкретные примеры, свидетельствующие якобы о невозможности передачи значения оригинального выражения.

А.В.Бондарко объясняет адекватность перевода тем, что языковое значение содержит смысловую основу как универсальный компонент и интерпретационную надстройку как идиоэтнический компонент [Бондарко 1992, 7]. Наличие общего смысла обеспечивает практическую переводимость предложений разных языков, хотя остается непонятным, чем вызывается общность смысла.

Чтобы объяснить это, А.Вежицкая использует понятие *семантической репрезентации*, под которой понимается язык семантических примитивов; предполагается, что на этот язык можно перевести все выражения естественного языка. С этой позиции рассматривается вся проблема переводимости с одного языка на другой. Два предложения в двух языках или два разных предложения в одном языке имеют одно значение, если они имеют ту же самую семантическую репрезентацию, то есть если они идентично переводятся на язык семантической репрезентации [Wierzbicka 1980, 42]. Сходным образом Р.Джакендофф объясняет переводимость предложения с языка на язык наличием общей семантической структуры [Jackendoff 1986, 11]. Сомнение вызывает, однако, объективность семантической репрезентации или структуры как критерия, поскольку двум предложениям одна и та же семантическая репрезентация или структура может приписываться произвольно. Выход Вежицкая видит в создании полного и точного языка семантической репрезентации как модели естественного языка, основываясь на изоморфных во всех языках семантических примитивах и едином для всех языков глубинном синтаксисе [Wierzbicka 1980, 26]. Тем

не менее, остается открытым вопрос о возможности существования языка семантической репрезентации без опоры на знаки, выполняющие роль вербальных единиц естественного языка.

Таким образом, факт практической переводимости языков свидетельствует о наличии общих семантических структур или репрезентаций, универсально выражаемых в конкретных языках. Возникает естественный вопрос о причинах универсальных семантических структур (универсалий).

Происхождение универсалий, которое объясняется в настоящей работе когнитивными структурами человеческого мозга, единими для всего человечества (см. раздел 2 в главе II), есть вопрос дискуссионный. Следует указать на существование двух основных подходов к решению этого вопроса - *селективистского* и *конструктивистского* [Danchin 1987, 30]. Первый подход, связанный с хомскианской традицией, отстаивает врожденную способность к языку, который, как утверждается, усваивается в процессе сличения языковых структур конкретного языка со структурами врожденной универсальной грамматики. Второй подход, связанный с работами психолога Ж.Пиаже, утверждает, что язык усваивается через опыт, в процессе постоянного взаимодействия со структурированной средой.

На первый взгляд непроходимой границы между этими подходами не существует, и они лишь по-разному оценивают роль мышления и внеязыкового мира в процессе усвоения языка. Первый подход фиксирует внимание на структурных свойствах мышления в ущерб структурированности среды; второй, наоборот, подчеркивает важность среды в процессе перцепции и категоризации в ущерб архитектонике мышления. Однако селективистский (эмпирический) подход, объясняющий усвоение языка исключительно врожденной способностью, так сказать, "закрывает вопрос" с помощью антропоцентрически привлекательной формулировки. Такая формулировка, умаляющая способность мышления к концептуализации опыта, имплицитно пропагандирует отказ от изучения реальных психических процессов, связанных с физиологией универсалий. Наоборот, конструктивистский (рационалистский) подход объясняет усвоение языка через опыт и согласуется с идеей о врожденной способности человека, если понимать под этим не только способность к языку, но и способность к категоризации в целом. Мышление есть более древнее и масштабное образование, чем язык, образующий лишь его структурированную часть. Способность человека к языку следует рассматривать как результат и как процесс развития его мышления, поэтому искать источник этой способности необходимо в функции мышления.

2. Универсалии в философских языках

Гносеологически мысль о единой для всех людей структуре мышления восходит к врожденным идеям Платона и аристотелевской концепции об общности понятий для всех людей. Концепция Аристотеля основывается на представлении о вещи, существующей независимо от человеческой воли и оставляющей свое подобие в виде впечатления в душах людей [Arens 1984, 29].

Развитие мысли о единой структуре мышления осуществляется в рамках двух гносеологически связанных концепций: единого *философского языка общения* и *языка мышления*.

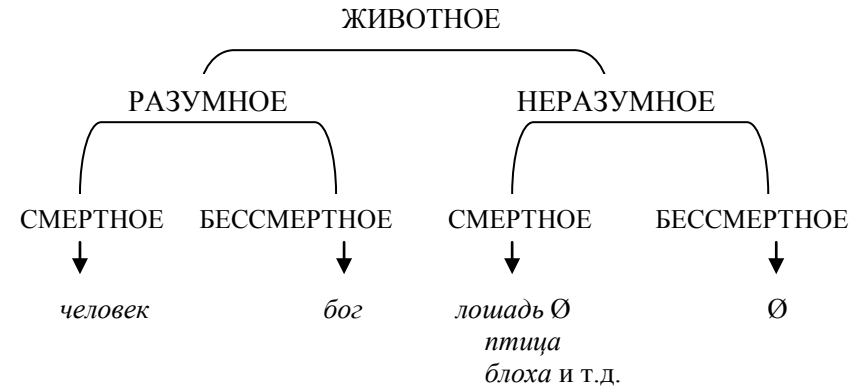
Впервые язык мышления упоминается в труде Святого Августина *De Trinitate*. Признавая это понятие, Оккам использует метафору, известную в науке как *бртва Оккама*, с помощью которой «выкраивается» язык мышления путем отсечения в естественном языке всего, что не является необходимым для выражения мысли [Wierzbicka 1980, 3]. Такое лезвие из естественного языка "сбривает" грамматический род, синонимию и прочую языковую избыточность, оставляя в то же время категорию числа у существительного, категории наклонения, времени, вида у глагола и т.д.

Создание универсального (философского) языка в раннем и позднем средневековье отражает практическое стремление представить универсальные идеи в виде независимой от естественного языка "грамматики идей". В этом отношении философ Бозций, написавший трактат *De Modis Significandi*, очевидно, может считаться родоначальником традиции универсальных языков. В своем трактате Бозций утверждает возможность выделения из всех существующих языков правил универсальной грамматики, отличающейся как от греческой, так и от латинской грамматики; при этом правила, лежащие в основе образования любого языка, рассматриваются в такой грамматике как универсалии [Есо 1995, 43].

Универсальный статус идей или примитивов, образующих "грамматику идей", может определяться различным образом. Здесь существуют две основные парадигмы: 1) универсалии понимаются как примитивы, то есть сущности, не выводимые из более сложных сущностей и не сводимые к более простым сущностям; 2) универсалии понимаются как сущности, образуемые логическим разложением более сложных сущностей. Первая парадигма гносеологически восходит к врожденным платоническим идеям и получает свое развитие в виде самоочевидных ясных идей Декарта, таких как "бог", "ум", "тело" и т.д. Вторая парадигма, вероятно, восходит к логическому дереву неоплатоника Порфирия. Дерево Порфирия показывает

образование последовательных логических ветвлений при разбиении общего множества на подмножества, например при разбиении множества "животное" в следующей схеме:

Схема №4

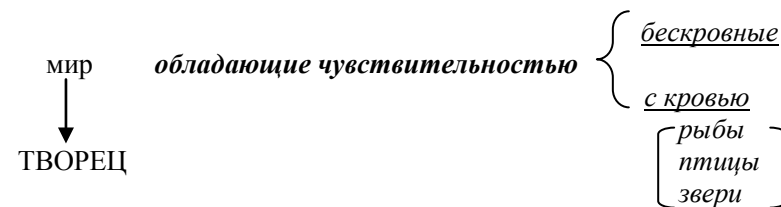
Парадигмы Уилкинса и Дальгарно, представляющие концепции философских языков, оказали большое влияние на всю современную семантическую науку. Наибольшую известность получил философский язык Дж. Уилкинса в силу своего влияния на современную семантику. Трактат, написанный им еще в XVII в., представляет собой тезаурус, в котором 40 родов делятся на 251 вид; при этом виды, представленные в парах, включают в себя 2030 подвидов. Деление родов на виды и подвиды (примитивы) производится в виде дерева Порфирия, как это, например, показано на следующей схеме (схема №5). Универсальный язык Дж. Дальгарно строится аналогичным образом, то есть путем разложения более емких понятий на менее емкие вплоть до получения неделимых далее примитивов. В отличие от проекта Уилкинса проект универсального языка Дальгарно предназначен для устной, а не письменной речи. Поэтому вначале проводится фонетический анализ для выделения универсального инвентаря звуков, выбранных по принципу наибольшей легкости. Логический тезаурус Дальгарно включает 17 фундаментальных родов.

Уилкинса можно считать открывателем анализа по трансцендентальным частицам, который впоследствии, уже в XX в. будет назван компонентным. Например, понятие "теленоч" рассматривается как комбинация трансцендентальных частиц "корова" и "молодая", а понятие "львица" как комбинация частиц "лев" и "маркер женского пола". Всего

Уилкинс устанавливает 48 маркеров, сгруппированных в 8 классов, извлекая их из латинской грамматики с добавлением некоторых стилистических приемов, таких как метафора, метонимия, синекдоха. В целом компонентный анализ Уилкинса носит бессистемный, произвольный характер, как это видно из следующих примеров: "пьедестал" = "подобный" + "нога", "шахта" = "место" + "металл", "астроном" = "звезда" + "художник".

Еще менее системный семантический анализ проводит Дальгарно: "лошадь" = "животное с неразвоенным копытом" (почему то же самое нельзя сказать о слоне? - комментирует это место У.Эко [Есо 1995, 235]), "мул" = "животное с неразвоенным копытом" + "бесполое", "верблюд" = "животное с развоенным копытом" + "горбатое", "дворец" = "дом" + "короля" и т.д. Каждое слово при этом получает свое внешнее обозначение, например, *Nnke* "осел", *Nnko* "мул" и т.д. Универсальная грамматика Дальгарно включает только существительные и местоимения, все же остальные части речи передаются суффиксами к именам, например: *sim* "хороший" - *simam* "очень хороший" - *sinab* "лучше"; *pon* "любовь" - *pone* "любящий" - *ponomr* "любимый"; чтобы передать глагол используется трансформация конструкции с именем: *we love* ← *we are lovers*.

Наибольшее влияние на учение о языке мышления имеет картезианская парадигма через развитие платоновской доктрины о врожденных идеях. Среди всех врожденных идей эта парадигма выделяет предельно ясные, самоочевидные идеи, обеспечивающие универсальное знание. Эти простые идеи, с которых начинается истинное знание, рассматриваются как врожденные в двух смыслах: во-первых, через способность ума производить их, во-вторых, в смысле независимости ума от внешнего раздражения. Задача философа, занимающегося изучением взаимоотношения между идеями, состоит в том, чтобы свести туманное к ясной универсальной идее. Считается, что такая задача не может быть слишком сложной, так как универсальный характер самой идеи служит надежным критерием.

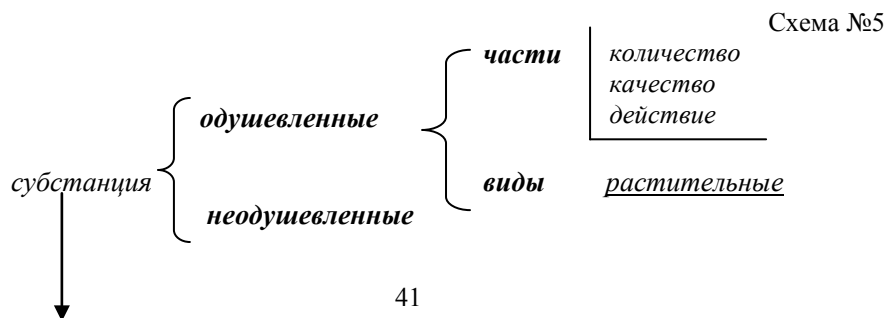

Вместо врожденных идей Локк говорит о простых, внутренне ясных идеях, получаемых из внешнего и внутреннего опыта и неограниченных количественно. Каждый специфический запах, вкус и цвет образует свою простую идею. Важной задачей Локк считает установление набора неопределимых сущностей (set of indefinables).

Лейбниц оттачивает бритву Оккама для решения противоположной задачи - создания на базе естественного (латинского) языка рационального языка или языка универсального исчисления, который позволяет проверить истинность всех утверждений. Разработка такого искусственного языка строится на пресуппозиции о структурном характере мысли: "Все человеческие мысли вполне разрешаются на немногие, как бы первичные" [Лейбниц 1984, 502]; поэтому Лейбниц считает, что "можно придумать некий алфавит человеческих мыслей, и с помощью комбинаций букв этого алфавита и анализа слов, из них составленных", "все может быть и открыто и разрешено" [Лейбниц 1984, 414]. Практическая задача решается логическим разложением единиц языка (*термов*) на семантически неделимые единицы (*первичные термы*), такие как "сущее", "существующее", "индивидуум", "этот", "я", "имеющее величину", "протяженное", "длящееся", "напряженное", "мыслящее" и т.д. Таким образом, язык термов Лейбница образует адаптированный вариант естественного языка, построенный по алгебраическим законам.

Отталкиваясь от метафизической концепции Лейбница, можно расширить набор его первичных термов, добавив такие термы, как "пространство", "материя", "движение", "фигура", "величина", "число", "часть", "граница", "единица" и т.д. [Перцова 1985, 42].

Семантические толкования Лейбница выглядят гораздо убедительнее, чем компонентные цепочки Уилкинса и Дальгарно. Вероятно, это объясняется более строгим интроспективным анализом, равно как и более абстрактным характером рассматриваемых термов, например: *благо* "то, что содействует совершенству", *совершенство* "то, что содержит больше сущности", *подлинное* "то, что полагается тем, что оно есть", *кажущееся* "то, что в действительности есть другое", *актуальное* "то,

что выражает существование", *потенциальное* "то, что выражает сущность", *простое* "то, части чего подобны", *сложное* "то, части чего не подобны" и т.д.

Как и Декарт, Лейбниц верит в существование врожденных идей, в отличие от Локка, однако не считает их ясность достаточным основанием для их идентификации. Вообще, Лейбниц не считает интуицию надежным критерием, указывая, что многие понятия, кажущиеся простыми, в действительности таковыми не являются. За стремление максимально строго истолковать все виды семантических отношений А.Вежбицкая справедливо называет Лейбница структуралистом *par excellence* [Wierzbicka 1980, 5].

3. Структура и язык мышления

3.1. Три подхода к понятию "язык мышления"

Дж.Фодор считает, что человеческое мышление принципиально сходно с процессами коммутации в вычислительной машине. Поэтому, если данная система строит и понимает предложения, независимо от того, где эта система находится и может ли использоваться как средство коммуникации, такая система должна, утверждает Фодор, определяться как язык [Fodor 1980, 77].

Вывод о дискретном характере мышления следует, по мнению Фодора, из параллелизма между континуумом смежных мыслей и континуумом смыслов предложения при изменении его структуры. "Нельзя было бы сказать, - рассуждает Фодор, - что каждый, кто понимает предложение *John loves Mary*, поймет и предложение *Mary loves John*, если бы было верно следующее: каждый, кто способен подумать о том, что Джон любит Мэри, не может подумать о том, что Мэри любит Джона" [Fodor 1988, 150]. Из этого следует, что нельзя утверждать, что язык выражает мысль, не утверждая тем самым, что мышление так же системно, как и язык.

Однако такая аналогия между структурированностью языка и процессом мышления, который якобы имеет столь же структурированный характер, есть своеобразная вульгаризация гипотезы языковой относительности. Скорее всего, мышление не дискретно, а, наоборот, синкретично, по крайней мере, частично, хотя и выражается с помощью различным образом организованных и информационно наполненных дискретных символов [Соломник 1992, 82].

Возражая Фодору, можно привести контрпример изменения структуры предложения, которое не сопровождается параллельным изменением в "мысленном пространстве"; для этого требуются

дополнительные условия, снимающие двусмысленность. Например, в русском предложении *варенье любит чай* ни порядок слов, как в соответствующем английском предложении, ни морфология существительных не позволяет идентифицировать субъект и объект любви исходя только из структуры предложения. Поэтому без дополнительных условий однозначно понять всякое предложение невозможно, тогда как всякая мысль находит внутреннее разрешение без всяких условий, например, мысль о том, что именно варенье является субъектом любви, вполне отличается от мысли, что объектом любви чая служит варенье.

Доказательство структурированности мышления служит важным свидетельством существования языка мышления в современных концепциях этого надязыкового образования. Во многих отношениях, однако, современные концепции восходят к традиционным парадигмам, развивающим представления о врожденных идеях, самоочевидных идеях и разложении сложных идеи на простые примитивы.

Наиболее известные концепции языка мышления связываются с именами Дж.Фодора, Н.Хомского и А.Вежбицкой; при этом концепции, первых двух исследователей восходят к Платону и Декарту, а концепция Вежбицкой к традиции разработки универсальных языков, в частности языка универсального исчисления Лейбница.

В целом можно выделить три основных подхода к толкованию языка мышления: 1) язык мышления понимается как врожденная способность к языку, 2) язык мышления понимается как репрезентативная система универсального характера, имеющая врожденное происхождение, 3) язык мышления понимается как инвентарь строевых и концептуальных универсалий. Прежде чем приступить к рассмотрению этих подходов, следует подчеркнуть, что понятие "язык мышления", как и понятие языковой относительности, имеет скорее мировоззренческое, чем онтологическое разрешение, поскольку доказать реальное существование языка мышления так же трудно, как доказать существование творца. Поэтому критика той или иной позиции должна исходить только из требования внутренней непротиворечивости данной системы и ее соответствия другим системам независимо от онтологии описываемого объекта.

3.2. Язык мышления как врожденная способность к языку

Нельзя обучиться языку, утверждает Фодор, уже не зная его заранее, и такой известный заранее, врожденный язык, которому не нужно обучаться, и составляет язык мышления [Fodor 1980, 65]. Считается, что именно врожденный характер этого языка приводит к быстрому усвоению

родного языка в результате сверки универсалий, организованных как пакет потенциальных грамматик, составляющих корпус языка мышления, с реальными высказываниями на конкретном языке. Можно полагать, что при обучении второму языку значение языка мышления, функционирующего в качестве метаязыка, падает при возрастающей роли первого (родного) языка, который служит естественным метаязыком обучения.

В концепции Н.Хомского врожденная способность к языку тождественна принципам универсальной грамматики, не знающим исключений. Поэтому эти принципы или правила называются универсалиями, например принцип, утверждающий зависимость грамматики от языковой структуры, или принцип суверенности местоимения, принцип асимметрии субъектно-объектных отношений [Chomsky 1988, 61]. Принципы универсальной грамматики не знают исключений, поскольку они образуют саму языковую способность, служащую каркасом (framework) для усвоения естественного языка. Эти принципы Хомский сравнивает с панелью управления, которая имеет установленные на ней переключатели; при этом система работает, если каждый переключатель находится в одной из двух позиций [Chomsky 1988, 62].

Таким образом, как для Дж.Фодора, так и для Н.Хомского врожденная способность к языку есть язык мышления или универсальная грамматика. Однако вместо упрощения такое отождествление врожденной способности и языка мышления только запутывает вопрос. Врожденная способность к языку означает, разумеется, не то, что язык дается человеку от рождения, ведь никто не рождается говорящим на своем родном языке, а то, что врожденной является способность научиться языку. Если же к языку мышления относиться именно как к языку, то есть репрезентативной системе, обладающей своей структурой и своим "ментальным" лексиконом, то такая система не может быть тождественной способности к научению, так же как способность к музыке не может быть самой музыкой.

Концепция врожденной способности к языку не объясняет, характеризует ли эта способность исключительно человека (биологию человека) или эта способность есть межвидовая характеристика, относящаяся к эволюции мозга высших животных. А.Соломник сообщает об экспериментах по обучению шимпанзе Вошоу в семье Гарднеров с помощью языка жестов, в результате чего обезьяна усвоила 500 знаков, активно используя 80 знаков. Другая семья - Примачи - обучали шимпанзе с помощью пластиковых жетонов, разных по форме, размеру и цвету. Преимущество такой методики состоит в возможности "последовательного чтения мыслей" обезьяны [Соломник 1992, 211]. Из этих экспериментов

можно сделать следующие выводы: 1) животные обладают мышлением, которое осуществляется с помощью понятий (собачий лай связывается с понятием о собаке, усвоенным из картинки и т.д.), 2) животные способны пользоваться как символическими, так и иконическими языковыми знаками для передачи понятий собеседнику. Таким образом, если согласиться с идеей о врожденной способности к языку, то придется признать, что универсальная грамматика "встроена" в голову не только человека, но и высокоразвитых животных. Следовательно, как мышление, так и способность к языку есть не видовое, а эволюционное понятие. Идея врожденной способности к языку имплицитно некую данность, дарованную свыше и исключающую всякое развитие. При этом остается неизвестным, где находится начало у этой врожденности, очерчивающей границу между homo loquens, то есть человеком говорящим, и его неспособным к говорению предком.

Кроме того, концепция врожденной способности к языку, тождественной языку мышления, не объясняет также феномена детей, лишенных с детства человеческого общества и, следовательно, языка. Логично предположить, что язык мышления при инициации должен себя обнаружить как язык, данный от природы, однако у "детей-маугли" после возвращения в общество себе подобных реституции языка не наблюдается, несмотря на интенсивное обучение. Если язык легче утратить, чем приобрести, способность к нему не может отождествляться с врожденной характеристикой вида. Врожденной можно считать - с определенными оговорками - не способность к говорению в частности, а способность к мышлению и обучению вообще.

3.3. Язык мышления как универсальная репрезентативная система

В концепции А.Вежбицкой язык мышления рассматривается как *репрезентативная система*, организованная в виде совокупности концептов или семантических примитивов, универсальных для всего человечества независимо от культуры и естественного языка общения. Эта позиция не объясняет, однако, как структурно организуется язык мышления. Если язык мышления есть репрезентативная система, то каждый функциональный элемент такой системы должен, с одной стороны, представлять, а, с другой стороны, быть представляемым. Система не может функционировать как знаковая система, если ее элементам приписывается только идеальный, содержательный или функциональный компонент без опоры на форму, как в гипотетическом языке мышления.

Другое сомнение заключается в постулировании универсальности этой репрезентативной системы. Такая универсальность имплицитно

неизменность элементов и отношений между элементами. В действительности же принципы Хомского или примитивы Вежбицкой так же изменчивы, как и элементы естественного языка. Например, если в мировоззрении современного человека категория МАТЬ сохраняет свою универсальность в силу устойчивости когнитивной модели "родитель", то в будущем можно ожидать полное размывание этой категории вследствие развития других моделей, например в связи с изменением способа рождения, вскармливания и воспитания детей. Дж.Лакофф считает, что уже сейчас категория "мать" строится на сложной когнитивной модели, образующей кластер: МАТЬ = "женщина, которая рождает ребенка"; "женщина, которая дает генетический материал (яйцеклетку)"; "взрослая женщина, которая вскармливает и растит ребенка"; "жена отца"; "ближайший предок женского пола" [Lakoff 1987, 74]. Если сейчас в большинстве случаев первые две модели обозначают одного человека, то тенденция, наблюдаемая в связи с увеличением числа суррогатных и приемных матерей, может полностью разрушить универсалию.

Точно так же может исчезнуть столь же универсальная для всех языков категория "убивать", в связи с коренным изменением отношения общества к насилию в результате психологической эволюции или насильственного вмешательства в психику. В романе Станислава Лема "Возвращение со звезд" астронавт, вернувшийся на Землю через 100 лет, обнаруживает, что психика новых земель органически не приемлет идеи насилия вследствие обязательной поголовной бетризации, бескровного вмешательства в мозговое вещество каждого новорожденного.

А.Вежбицкая постоянно меняет число кандидатов на роль семантических примитивов, образующих язык мышления. Например, в работе *Lingua Mentalis* приводится список из 13 примитивов [Wierzbicka 1980, 9], а в более позднем труде их число сокращается до 10: 1) [субстантивы]: я, ты, кто-то, что-то, люди, 2) [детерминаторы, квантификаторы]: этот, тот же самый, другой, один, два, весь/все, много, 3) [предикаты ментальных состояний]: знать, хотеть, думать, говорить, чувствовать, 4) [действие, событие]: делать, происходить/случаться, 5) [оценка]: хороший, плохой, 6) [дескрипторы]: большой, маленький, 7) [интенсификатор]: очень, 8) [метапредикаты]: не/нет, если, из-за, мочь, очень, подобный/как, 9) [время и место]: когда, где, после (до), под (над), 10) [таксономия, партономия]: вид, часть [Вежбицкая 1996в, 322]. В этом списке также могут обнаружиться "относительные" или "временные" универсалии, или, наоборот, список может пополниться новыми примитивами в результате изменения критериев отбора. Поэтому, как признает ученый, нельзя утверждать, что данное множество есть

единственно верное и что все человечество в самом деле думает в терминах этого множества.

А.Гопник идет еще дальше в сомнениях по поводу универсальности языка мышления, утверждая, что при изучении ребенком первого языка происходят постоянные изменения семантических структур, причем эти изменения носят не столько количественный, сколько качественный характер. Это заставляет сомневаться в существовании универсальных когнитивных структур, получаемых в ходе познания мира, поскольку концепты нового опыта не выводятся из предшествующих теорий [Gopnik 1984, 163-179].

В действительности же изменения семантических структур носят как качественный, так и количественный характер, при этом разные структуры изменяются с разной частотностью, что заставляет предположить относительную стабильность одних структур по сравнению с другими. Так, если в процессе обучения языку ребенок может назвать собакой любое животное, имеющее четыре конечности и хвост и при этом соизмеримое по величине с собакой, например козу или барана, то с расширением опыта ребенок исправляет свою ошибку, основываясь на незамеченных ранее признаках, таких как лай, способность кусать, махать хвостом и т.д. При категоризации видов собак ребенок образует новые концепты исходя из предшествующего опыта, то есть, основываясь на стабильных признаках категории "собака": "четвероногое, способное лаять, кусать и махать хвостом в знак дружелюбия". Очевидно, что стабильные когнитивные структуры, неизменные при изменении опыта, и составляют концептуальные или когнитивные универсалии, которые выражаются в естественных языках в виде языковых универсалий.

3.4. Язык мышления как язык универсалий

Если отказаться от представления о языке мышления как врожденной способности к языку или универсальной репрезентативной системе, то, синтезируя рассмотренные концепции, можно предложить концепцию языка мышления как системы универсалий мышления, состоящей из списка строевых правил и свода универсальных, лексикализованных во всех языках концептуальных категорий. При этом, разумеется, имплицитный самим термином репрезентативный характер "языка мышления" полностью исчезает, и остается только термин, имеющий лишь эмоционально-эпистемологический смысл. Вместе с тем сохранение этого термина делает вполне приемлемым использование метаязыковых универсалий, таких как "универсальная грамматика" и "ментальный лексикон". Грамматика языка мышления должна определять

принципиальное устройство любого языка с точки зрения его структуры, включая, например, универсальные принципы, различающие субстантивные и предикатные наименования, субъект и объект в предложении, категории числа у субстантивных единиц, времени, вида, наклонения у предикатных единиц и т.д. Лексикон языка мышления должен включать концептуальные категории, имеющие обязательный характер и потому лексикализованные во всех языках, хотя "примитивный" характер этих категорий не должен служить критериальным принципом их отбора. Концептуальные универсалии реализуются в языках в виде лексических номинаций, эквивалентных во всех языках, то есть образуют лексические универсалии. Например, местоимение "я" есть лексическая универсалия, соответствующая концептуальной универсалии, которая требует выделения говорящего субъекта, совпадающего с психическим субъектом.

Универсальные грамматические принципы образуют скелет, а концептуальные универсалии - тело языка мышления. Для естественного языка важно и то и другое, однако язык мышления есть, прежде всего, ментальный лексикон, поскольку субстанция первична, а правила ее организации вторичны и зависимы от характера концептов, образующих субстанцию.

Развитие понятия "язык мышления" требует рассмотреть вопрос о репрезентативной силе такого языка, понимаемого как система универсалий.

Дж.Фодор утверждает, что, во-первых, нельзя выучить язык, выразительная сила которого выше, чем в оригинальном языке, во-вторых, нельзя выучить второй язык, если его предикаты выражают то, что не могут выразить предикаты первого языка [Fodor 1980, 86]. Из этого следует, что язык мышления может выразить все, что может быть выражено на естественном языке; в противном случае было бы невозможно обучаться формулам естественного языка.

Репрезентативная сила языка мышления А.Вежбицкой гораздо беднее, поэтому неизбежно искажение мысли при переводе предложения естественного языка на язык семантических примитивов. Например, английское предложение *Please, say something!* в терминах семантических примитивов выглядит как *I want you to say something*, что совершенно не идентично оригиналу. Кроме того, интерпретация Вежбицкой как сложных понятий, так и примитивов на языке мышления выглядит весьма громоздко - вследствие самой примитивности языка толкования, например, определение категории *cup* "чашка" занимает две страницы [Wierzbicka 1985, 31]. В качестве примера толкований Вежбицкой, чрезмерно синтаксичных по форме и энциклопедичных по содержанию, можно

привести семантический анализ глагола *to lie* "лгать" в английском языке:

X солгал Y-у =

1 X сказал нечто Y-у

2 X знал, что это неправда

3 X сказал это потому, что хотел, чтобы Y думал, что это правда

[люди сказали бы, что тот, кто так поступает, поступает плохо]

[Вежбицкая 1996а, 206].

Очевидно, репрезентативная сила языка мышления не может быть бесконечно большой, поскольку это привело бы к бесконечному увеличению числа универсалий, и само понятие универсалии как общего инварианта, присущего, но не тождественного всем индивидуальным объектам определенной сферы ума, потеряло бы смысл. Кроме того, из двух постулатов, сформулированных Фодором о репрезентативной силе языка мышления (см. выше), первое явно несостоятельно, если под эталоном выразительной силы понимать кратчайший путь, которым язык выражает мысль, то есть через наименование. Сравнительный анализ цветообозначений показывает, что в одном языке легко выразить такие понятия, которые передаются в русском языке словами *зеленый, синий, голубой*, в то время как в английском языке понятие "голубой" выражается словосочетанием на базе более общего термина *blue - light blue*, а в языке варлпири (Австралия) эти три понятия вообще обозначаются одним словом *yukuri-yukuri* (букв. "растение-растение") [Вежбицкая 1996б, 234]. Однако это не мешает, вопреки утверждению Фодора, выучить язык, выразительная сила которого выше, чем в родном, поскольку при обучении новому языку происходит концептуализация нового опыта через готовое наименование.

Резюмируя изложенное, можно заключить следующее:

- способность к языку, врожденная или приобретенная с помощью опыта, не тождественна языку мышления;
- врожденная способность к языку представляется сомнительной, а врожденный характер языка мышления не может быть доказанным;
- врожденной по отношению к виду "человек разумный" может считаться только способность к мышлению и - как следствие - способность к категоризации;
- мышление в целом синкретично и становится дискретным только через определенным образом организованные и информационно наполненные символы;
- язык мышления можно понимать лишь как удобную метаязыковую универсалию, обозначающую совокупность или систему когнитивных универсалий, которые включают в себя универсалии строевого характера

(принципы универсальной грамматики) и концептуальные универсалии, то есть концептуальные категории универсального характера.

Раздел 3.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

1. Когнитивный подход к объяснению общего и различного в языках

Если бы существовал один язык, то все концепты, лексикализованные в нем, были бы универсальными. Сравнение языков доказывает, что каждый язык образует единство универсального, всеобщего и уникального, присущего только данному языку. При этом уникальное лишь отчасти может объясняться причинами, внешними по отношению к языку. Главный фактор уникального проявляется как различие в способах концептуализации опыта, вызывающее эффект языковой относительности. Что касается главного фактора универсального, то этим фактором является общее устройство перцептивно-когнитивного аппарата человека. Как этот аппарат влияет на образование универсальных категорий, и почему, несмотря на его общее устройство, концептуализация приводит к разным результатам в разных языках? На этот вопрос старается ответить когнитивная лингвистика в теории категоризации.

Революционно новое в этой теории по сравнению с классическим подходом состоит в ином понимании категории и категоризации опыта. Реальный мир образует непрерывный континуум, в котором отсутствуют четкие границы между объектами. Размытость границ между объектами мира и сложная взаимосвязь свойств и отношений между этими объектами с когнитивной точки зрения образует предпосылки различий между языками. Категоризация преобразует количественную непрерывность мира в качественные категории языковой системы [Лабов 1983, 175], поэтому ни одна языковая система как конечное образование не может претендовать на исчерпывающую репрезентацию бесконечного.

Когнитивная теория категоризации по-новому рассматривает различные вопросы взаимоотношения объективной действительности, языка и мышления. Сюда можно отнести, в частности, вопрос об отношении между наименованием и референтом (представителем категории), или вопрос об отношении между логической системой и логическими (родо-видовыми) отношениями в языке, вопрос о признаках вещей, свойств и отношений мира, универсально концептуализируемых во всех языках и т.д. В конечном счете, постановка этих вопросов в свете сравнения языков позволяет ответить на вопрос об онтологии языковых универсалий.

Для понимания проблемы концептуализации мира с позиции когнитивной теории требуется, следовательно, освещение ряда основных категорий этой теории, имеющей, впрочем, разные варианты. Цель такого рассмотрения можно определить как выяснение главного вопроса, а именно, как влияет перцептивно-когнитивный аппарат человека на образование концептуальных универсалий.

1.1. Категоризация и категории

Категоризация в когнитивной лингвистике понимается *в узком смысле* как подведение какого-либо явления внешнего мира под определенную рубрику опыта, то есть *категорию*, а *в более широком смысле* как процесс образования самих категорий. Иначе говоря, категоризация в широком смысле есть сегментация мира "сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов и объединений и т.п." [Кубрякова и др. 1996, 42]. Таким образом, категоризация - это образование категорий или - в более узком смысле - подведение явления под категорию. Категория же есть рубрика опыта, обобщенного в ходе познавательной деятельности человека.

Категория образуется путем группировки признаков, соотносимых с объектами, принадлежащими к ней. Следовательно, категория тесно связана с образованием логически конструируемого *концепта (понятия)*. Логический концепт можно идентифицировать с неким "квантом" знания, который возникает в процессе построения информации в виде пучка признаков как реального, так и воображаемого мира. Концепт соответствует идеальному объекту категории. Прочие объекты (представители) объединяются в нее не потому, что характеризуются полным набором признаков, характеризующих ее представителей, а в силу подобию *идеальному представителю (лучшему экземпляру)*. Ответ на вопрос о принадлежности X к категории Y может быть утвердительный или отрицательный, а также вполне творческий, типа "скорее да, чем нет" или "скорее нет, чем да".

Наличие наименования доказывает существенность стоящих за ним признаков и образующих концепт. Поэтому о категоризации можно говорить как о языковом явлении [Taylor 1989, VII]. Каждое наименование можно рассматривать как отражение отдельно взятой категории с включенными в нее представителями (экземплярами).

Здесь следует задаться постановкой следующих вопросов:

- представляет ли наименование любой объект категории или только ее идеальный экземпляр?

- каково соотношение между структурой категорий и структурой языкового лексикона?

- какие признаки опыта обязательны для категории, то есть, говоря иначе, что порождает универсальные категории (концептуальные универсалии)?

1.2. Структура категории и наименование

Для ответа на вопрос, относится ли наименование к любому представителю категории или только к ее отдельному экземпляру, требуется, прежде всего, сравнить структуру категории в классическом понимании и в свете когнитивной науки.

Аристотель видит в категории общий род высказываний о сущностях [113, 293]; при этом каждая категория, например "качество", "количество" и т.д. характеризуется *необходимыми и достаточными* для ее опознания *критериями*. По этим критериям все объекты категории, обладая одним и тем же набором критериальных свойств, являются рядоположными, то есть равными в одном ряду [190, 6].

Современный подход к структуре категории связывается с работами Элеоноры Рош и ее коллег, в которых выделяется понятие "прототип" как основное понятие в категоризации. Суть этого понятия состоит в следующем. С одной стороны, признаки, образующие концепт и влияющие на образование категории, обладают разной значимостью (весом). С другой стороны, представители категории обладают разными наборами этих признаков, различаясь по одним и объединяясь по другим признакам. Вследствие этого в категории можно выделить *центр* и *периферию*. В центре находятся лучшие экземпляры, обладающие большей весомостью характеризующих их признаков. Самый лучший экземпляр называется *прототипом*. На периферии же находятся представители, обладающие менее привилегированным положением вследствие меньшей весомости соответствующих признаков. Степень соответствия представителя какой-либо категории оказывается функцией от близости к прототипу в духе Э.Рош, либо функцией от наличия черт "фамильного сходства" в духе Л.Витгенштейна. Прототип, по мнению Э.Рош, воплощает *наиболее выделяемые (salient)* признаки категории, тем самым позволяя определить всю категорию в целом. Прототип считается обусловленным онтологией, то есть его психологическая выделяемость объясняется важностью места, которое занимают составляющие его признаки в объективной действительности.

Прототипический подход к проблеме категорий есть компромисс между классическим подходом и подходом Л. Витгенштейна. Последний

исходит из взгляда о полной размытости границ между категориями и, следовательно, из случайности в классификации наименований вещей. Его концепция "семейных сходств" на примере с понятием "игра" предсказывает равномерную дисперсию всех представителей категории с выходом за ее рамки. Именно идея фамильного сходства вызвала новое понимание категоризации, которое утверждает неравенство представителей и отсутствие жестких границ у естественных категорий. Таким образом, прототипические категории занимают как бы промежуточное положение между категориями с фамильным сходством своих представителей (например, категория "игра") и логическими категориями в духе античного понимания категории (например, категория числа). Логические категории отвечают представлению о необходимых и достаточных критериях принадлежности к категории каждого из ее представителей.

1.3. Прототипические категории

Прототипические категории можно условно разделить на *перцептивные* и *социальные*. Первые связаны с репрезентацией мира и выводятся из чувственного опыта, а вторые связаны с миром человека как носителя материально-духовной культуры и выводятся из его социального опыта.

Существует также различие между двумя подтипами перцептивных категорий, источник которого находится в самой природе. Следует различать, в частности, *дискретные* и *градуированные* категории. Объекты дискретных категорий имеют естественные границы (например, птица, рыба, дерево, плод и т.д.), в то время как объекты градуированных категорий организуются в некий диффузный континуум, в котором можно установить лишь условные границы (например, цветовой спектр, звуковой диапазон, температура и т.д.). В языке своеобразно (хотя и не произвольно) устанавливаются, например, границы между температурными категориями, или цветовые категории по шкале в 7 500 000 оттенков, различаемых глазом.

Семантика прототипа определяет значение наименования исходя из представления о *наиболее типичных условиях его употребления*, которые образуют *идеализированную когнитивную модель* [Lakoff 1987, 68]. Идеализированная когнитивная модель позволяет гибко воспринимать понятие, например понятие "холостяк" относительно более простого, "прототипического" мира, в котором не существует гомосексуализма, гражданского брака, мусульманского закона, позволяющего иметь четыре законные жены, священников, дающих обет безбрачия, и одинокого Робинзона Крузо на необитаемом острове. Этот "прототипический мир"

помогает определить все усложнения постепенно, в результате процедуры аппроксимации (уточнения).

Само собой разумеется, что мир прототипов, отражаемый в интенционалах соответствующих наименований, может варьироваться от культуры к культуре вследствие различного понимания категориального среднего, то есть прототипа. При этом "культурный разброс" прототипов может наблюдаться как в градуированных, так и в дискретных категориях. Например, в исследовании Э.Рош информанты определяют малярию как прототип категории "болезнь", считая ее более типичным заболеванием, чем, например, насморк, а прототипом категории "птица" называют малиновку [Rosch 1973, 328-350]. В других культурах главные представители соответствующих категорий могут не совпадать с этими прототипами, например, в русской культуре вряд ли типичным фруктом будет назван апельсин, а типичным овощем горох, в отличие от западной культуры, которой приписываются именно эти стереотипные представления. Таким образом, внутренняя структура категории не обладает свойствами универсального закона, выводимыми из внешних закономерностей по отношению к субъекту как носителю определенной культуры, определяющих распределение признаков в объективном мире.

Поскольку выделение признаков категории основывается на субъективных мнениях носителей языка, то прототипы в принципе существуют в массовом сознании говорящих как виртуальные сущности. Однако следует ли из этого, что виртуальное не может стать реальным и что не существует универсальных прототипов для разных языков, представляющих разные культуры, как это иногда утверждается [Фрумкина и др. 1991, 52]? Когнитивная модель мира действительно отражает типичных для данной культуры представителей категорий, например, типичные фрукты и овощи, способы их выращивания и приготовления, соответствующие стереотипным культурным моделям, столь же типичным, как типичны определенные представители флоры и фауны. Однако, например, вода для любого общества есть *prima facie* прозрачная жидкость, используемая для питья и приготовления пищи, и такой прототип соответствует универсальной категории, наряду с такими общечеловеческими универсальными категориями, как "человек", "отец", "мать", "темный", "светлый", "длинный", "круглый", "ходить", "спать", "понимать", "видеть" и т.д.

С течением времени любая категория, в том числе универсальная, может подвергнуться кластеризации, то есть образовать несколько прототипических моделей, или может изменить свой прототип. Так, для человека-амфибии вода всегда будет означать нечто большее, чем для

сухопутного человека, так же как понятие "отец" с точки зрения современного человека совершенно отличается от соответствующего представления человека эпохи беспорядочных половых отношений.

Эволюционный взгляд на категории не позволяет установить, как концептуализируется сходный, прежде всего социальный опыт в разных языках. Для этого необходимо абстрагироваться от периферии категорий, служащих источником эволюционной подвижки и революционного сдвига, и рассматривать категории с точки зрения категориального среднего, то есть уравнивать категорию с ее идеальным представителем (прототипом).

1.4. Иерархия категорий

Категории взаимодействуют, прежде всего, благодаря иерархической структуре по вертикали. Так называемый суперординатный уровень включает субординатные классы, например, суперордината "животное" включает такие классы как "птица", "млекопитающее", "рептилия" и т.д. Субординатные классы могут располагаться по разным уровням контраста, например, субординатные по отношению к суперординате "животное" категории "собака" и "бульдог" различаются между собой уровнями абстракции.

В выборе названия для вещи человек придерживается такой стратегии, которая заставляет его выбирать из ряда возможных наименований то, которое относится к базисному (среднему) уровню. Например, в иерархии *животное - собака - бульдог* таким названием служит *собака*. Понятие базисного уровня категории восходит к исследованию Б.Берлина и П.Кэя об основных цветообозначениях [130] и экспериментам Э.Рош [202]. Принято считать, что в целом базисный уровень используется наиболее часто и что категории этого уровня легче усваиваются детьми. Будучи структурно короткими, наименования базисного уровня составляют ядро лексикона.

Базисный уровень категоризации рассматривается обычно как атрибут иерархии естественных категорий, располагаясь в центре иерархии. В работе Б.Берлина и его коллег [131] приводится таксономия живого мира по пяти уровням иерархически взаимосвязанных категорий, из которых базисным является третий сверху (см. Раздел I). Таким образом, при развертывании иерархии с трех до пяти уровней базисный уровень перемещается со второго на третий, занимая постоянно среднее положение.

Средний уровень имеет прямое отношение к образованию универсалий, отражая основной опыт человека как базовое значение, закодированное в структурно наиболее простых и частотных единицах языка. Этот уровень соответствует наиболее предпочитаемому мышлением

способу референции, поэтому его положение в иерархии не меняется от языка к языку, в отличие от положения суперординаты и субординатных по отношению к нему классов. Язык может обходиться без наименования рода или обобщающего класса, равно как и без наименований подвидов называемых объектов, однако наименование вида при условии равенства объективных условий имеется во всех языках. Такие наименования, как уже указывалось, образуют ядро языкового лексикона и являются наиболее вероятными кандидатами концептуальных универсалий.

1.5. Структура языкового лексикона как отражение структуры категорий

Можно ли распространять на язык родо-видовые отношения, заимствованные из логики? В работе *Семантика и категоризация* утверждается, что это справедливо лишь в отношении терминов, среди которых можно констатировать достаточно представительное количество лексических пар, объединенных логическими отношениями рода и вида. Поскольку эти отношения регулируются языковой систематикой, считается неправомерным распространение таксономии на всю лексику в целом [109, 44].

Чтобы понять, какое место занимают родо-видовые отношения в языке, необходимо, прежде всего, иметь в виду, что эти отношения отнюдь не образуют какой-либо гомогенный тип. Так, типология А.Вежицкой включает 4 вида гипо-гиперонимии: 1) таксономия в собственном смысле слова ("воробей": "птица"); 2) функциональные разряды ("погремушка": "игрушка", "ружье": "оружие"), 3) разряды совокупностей, образованные по смежности": а) *Singularia tantum* ("кухонная посуда", "мебель", "фрукт"), б) *Pluralia tantum* ("остатки", "трофеи", "принадлежности"), 4) псевдосчетные разряды ("лекарства", "приправы", "косметика") [Wierzbicka 1985].

Классификация типов родо-видовых отношений А.Вежицкой справедливо подвергается критике за противоречивость критериев. Так, категория "оружие", входящая в группу функционально обобщающих понятий, включает такие разные объекты как пушка, топор и велосипедная цепь (если ее использовать как оружие). Псевдосчетные разряды, которые делятся на гетерогенные имена и имена коллекций, включают наименования, связанные общностью грамматического оформления. Так, гетерогенные разряды включают наименования (*spoils* "трофеи, награбленное, краденое", *cosmetics* "косметика", *herbs* "травы", и т.д.), оформленные как существительные множественного числа, в то время как имена коллекций даются в единственном числе (*furniture* "мебель", *clothing* "одежда", *kitchenware* "кухонная посуда" и т.д.). Сравнение примеров

только из двух языков - английского и русского - заставляет усомниться в том, что такое различие идет "от смысла к тексту", а не наоборот; ср., например: рус. *имущество* - англ. *belongings*, рус. *краденое* - англ. *spoils*, рус. *украшения* или *драгоценности* - англ. *jewelry* [Фрумкина и др. 1991, 39-42].

Критики предлагают деление совокупностей на имена любых артефактов, например, *имущество*, *остатки*, *лом*, *хлам* и имена совокупностей с жесткими денотативными ограничениями типа *сервис*, *мебель*, *объедки*, *пожитки* [Фрумкина и др. 1991, 43]. Однако такая типология так же уязвима для критики, как и типология А.Вежицкой. Например, категория "остатки" может относиться не только к артефактам, но и к любому множеству разнородных объектов, объединенных по признаку уменьшения первоначального количества. С другой стороны, имена совокупностей с жесткими ограничениями включают как явные артефакты, например, *сервис*, *мебель* и *одежда*, так и менее жесткие с точки зрения этого признака категории, например, "объедки". При этом данный разряд включает как бесформенные множества, так и множества объектов, образующих целое, например, *сервис*, *гарнитур*, *костюм* и т.д.

Более корректной выглядит предлагаемая типология, которая включает три вида множеств объектов: 1) множество однородных объектов, таких как птицы, машины, идеи и т.д., 2) открытое множество разнородных объектов, то есть неупорядоченное множество объектов, объединенных по функциональному признаку, например, *мебель*, *игрушки*, *оружие*, *косметика*, *посуда* и т.д., 3) закрытое множество разнородных объектов, то есть упорядоченное множество объектов, образующих единое целое, например, *сервис*, *гарнитур*, *костюм* и т.д. Эта типология отражает диалектику таких когнитивных категорий, как "единичное", "множественное" и "целое" [Шафиков 1980], соответствующих логическим категориям единичного, всеобщего и особого. Единичное есть наиболее простое понятие, в то время как идея всеобщего возникает из множественного на основе обобщения множества единичных объектов, а целое образуется из особенности как соединение общего и индивидуального, родового и видового.

Язык легко лексикализует оба члена оппозиции "единичное": "множественное", лежащей в основе множеств первого и второго типов, поскольку представление об "объекте вообще", то есть единичном объекте так же естественно, как представление о совокупности объектов. Однако в отличие от множества первого типа, во втором типе множества проявляется асимметрия или маркированность в духе теории Дж.Гринберга, которая выглядит как доминирование множественного над единичным. Поэтому

невозможно представить себе "овощ вообще" или "идеальный предмет мебели" или "игрушку как таковую", то есть выделить прототипы соответствующих категорий. По этой причине в языке может отсутствовать полная структурная парадигма, включающая обозначение как единичного объекта, так и множества, на уровне нерасчлененных номинаций; ср. например, в русском языке: *предмет одежды - одежда, предмет мебели - мебель, предмет кухонной посуды - посуда* и т.д.

В основе множеств третьего типа лежит оппозиция "единичное": "целое", в которой в полной мере проявляется асимметрия в доминировании целого над единичным. Представить себе "идеальный предмет сервиса" еще труднее, чем прототип кластера "мать" в трактовке Дж.Лакоффа.

Таким образом, гипо-гиперонимические отношения и в логике и в языке проявляются в диалектике единичного - множественного - целого как когнитивные категории человеческого мышления. Таксономия в собственном смысле затрагивает не только естественные категории, объединенные в роды по происхождению видов, поскольку дискретными являются как объекты живой природы, так и объекты среды вообще естественного или искусственного происхождения, но также объекты внутреннего мира человека, существующие независимо от сознания или мыслимые как существующие.

Что касается других типов гипо-гиперонимических объединений, в которых проявляется симметрия, то количественно их меньше, чем таксономических объединений, хотя потенциально их число бесконечно. Концептуальные классы отнюдь не исчерпываются множеством заранее заданных категорий, имеющих собственные наименования. Мышление в принципе способно оперировать совокупностями, не имеющими обобщающего имени, которое может появиться со временем, по мере появления коммуникативных нужд человека. Например, можно допустить существование класса с такими объектами, как дети, драгоценности, телевизоры, картины, рукописи, фотоальбомы в силу того, что этот класс включает в себя то, что в первую очередь следует выносить из жилища при пожаре [Фрумкина и др. 1991, 58].

Дискретность, лежащая в основе гипо-гиперонимии, регулируется лишь симметрией или асимметрией в оппозиции "единичное": "множественное", тогда как природа самих категоризируемых объектов малозначительна. Поэтому отношение между категориями "дерево" и "дуб", определяемое как таксономическое, ничем не отличается от отношения между категориями "овощ" и "свекла" или "игрушка" и "плюшевый медведь". Таксономия определяется не тем, можно или нельзя представить себе "овощ вообще" или "игрушку вообще", так же как "дерево

вообще" (представить себе можно все, что угодно), а наличием логической связи между суперкатегорией и категорией. Например, между категориями "медведь" и "плюшевый медведь" такая связь отсутствует, так как в этом случае категория "медведь" должна включать в качестве своего представителя плюшевого медведя наряду с бурым медведем, полярным медведем, пещерным медведем, пандой и другими объектами этой категории. В то же время противоречия не возникает при включении плюшевого медведя в функциональную суперкатегорию "игрушка" по признаку функциональной принадлежности наряду с такими объектами как юла, кукла, игрушечный домик и т.д.

В целом скепсис, выражаемый в отношении языковой гипо-гиперонимии, представляется неоправданным. Вопрос, очевидно, заключается не в том, существует ли она в языке (безусловно, существует) и насколько правомерно распространение на язык логической категории родо-видовых отношений (правомерно уже потому, что "язык есть действительное сознание", способное оперировать логическими категориями). Вопрос, таким образом, сводится лишь к тактике репрезентации таких отношений в языках, и, если одно описание оказывается уязвимым, надо попытаться дать другое и не впасть в отчаяние.

Независимо от вида гипо-гиперонимических отношений базисный уровень категоризации соответствует определенному уровню абстракции. Как уже указывалось выше, в естественных категориях это либо второй (средний) уровень при наличии суперординатного (верхнего) и субординатного (нижнего) уровней, либо - при наличии развернутой иерархии - третий уровень сверху.

В диалектическом единстве *общее - особое - индивидуальное* суперордината отражает общее, средний уровень - особое, а субордината - индивидуальное. Таким образом, средний уровень соединяет в себе родовое и видовое, то есть соответствует уровню мышления, на котором происходит отвлечение как от максимально общих, так и от максимально специфических признаков объекта.

В артефактных категориях базисный уровень обычно также соответствует середине иерархии, например, "транспортное средство" - "наземное средство" - "автомобиль" - "спортивный автомобиль", "предмет мебели" - "стол" - "письменный стол", "сосуд для питья" - "чашка" - "китайская чайная чашка" и т.д.

Принцип среднего уровня категоризации есть универсальный метод концептуализации опыта через наиболее выделяемые из всех чувственно воспринимаемых признаков. Доминирование этого уровня отодвигает на

второй план число других уровней категоризации, которое зависит, в конечном счете, от уровня знания и поэтому не может быть стабильным. С удалением от базисного уровня вверх и вниз возрастает терминологичность соответствующих наименований. Однако это не дает основания считать таксономию внеязыковым явлением. "Терминологичность" наименований других (в отличие от базисного) уровней означает их периферийный статус в лексиконе языка и так же естественна, как "обыденность" наименований среднего уровня, образующих ядро лексикона. Вообще говоря, терминологичность есть признак, характеризующий любую языковую единицу в конкретный период её функционирования. Любой отрыв от среднего уровня создает «прибавление качества терминологичности», и в этом отношении наименование *животное* так же терминологически окрашено, как и наименование *членистоногое*, хотя и в разной степени.

2. Универсальные концептуальные категории

2.1. Универсальные перцептивные категории

Существование концептуальных категорий можно объяснить внешними и внутренними факторами. Внешний фактор проявляется в объективном единстве окружающего мира, рассматриваемого во взаимодействии составляющих его признаков. Внутренний фактор проявляется в единстве человеческой когниции, создающей соотносимые языковые модели, отражающие психологическое единство человеческого мозга. В соответствии с типами прототипических категорий концептуальные универсалии могут характеризовать как *перцептивные*, так и *социальные категории*. Таким образом, можно выделить универсальные перцептивные и социальные категории.

Восприятие и сообщение чувственного опыта благодаря единой системы органов чувств и анализа ощущений идентично для всего человечества. Это создает объективную предпосылку образования перцептивных универсалий.

Большим вкладом в исследование человеческого восприятия и категоризации воспринимаемого наука обязана гештальтпсихологии (нем. *Gestalt* означает "образ"). Главным здесь можно считать доказательство того, что объект воспринимается как совокупность признаков, варьируемых по степени выделенности и образующих *гештальт*, то есть целостный образ. Вследствие различия в выделенности признаков категории, обладающие ими, варьируются по степени запоминаемости, например, в визуальном восприятии более значимыми гештальтами, то есть «лучшими формами» являются однородные, симметричные формы, такие как прямые и овальные линии, прямые углы и правильные замкнутые фигуры типа

круга, квадрата, прямоугольника. В то же время асимметричные линии и образованные с их помощью замкнутые фигуры менее восприимчивы для человеческого глаза.

На большую когнитивную значимость «лучших форм» указывают классификаторы, то есть слова, которые служат в некоторых языках для категоризации объектов восприятия по определенным внешним параметрам. В частности У.Фроли выделяет 3 сферы классификаторов: физическая (например, классификация по размеру), социальная (например, выражение почтения при обращении) и функциональная, связанная с указанием утилитарных свойств обозначаемых артефактов [Frawley 1992, 234].

В наибольшей степени для языков характерна физическая сфера, классификаторы которой могут различать одушевленные и неодушевленные объекты; при этом первые могут различать людей и животных, а вторые выделяют субкатегории по признаку формы, обычно круглые, плоские, длинные объекты, а также по признакам размера и консистенции. Например, как уже упоминалось выше, в языке дьирбал (Австралия) существительные делятся на 4 категории, обозначаемые классификаторами *bayi*, *balan*, *balam* и *bala*, которые категоризируют мужчин (*bayi*), женщин (*balan*), съедобные растения (*balam*) и все прочее (*bala*) [Лакофф 1988, 21]. В японском языке существует классификатор *hon* для обозначения тонких, длинных, негибких предметов, а также - в периферийной функции - состязаний на мечах и шестах, бросков мяча в баскетболе, мотков ленты, телефонных разговоров и т.д.

Чаще всего классификатор обозначает более одного признака объекта, например, длинный и вертикальный (шест), длинный и горизонтальный (брус), плоский и твердый (доска), плоский и мягкий (ковёр) и т.д. В некоторых языках классификатор - это часть глагола, инкорпорированного в его структуру; например, в некоторых языках Азии и Америки выражение "поднять камень" принимает следующую форму: "заставить - круглый - твердый - объект - двигаться - вверх - камень" [Clark, Clark 1978, 239].

Считается, что формы, выбираемые языками в качестве классификаторов, обычно совпадают с признаками в детских таксономиях. Например, таксономия объектов по круглой форме в индонезийском языке, обозначаемых существительными типа "горох", "глаз", "яблоко" с помощью классификатора "круглый", совпадает с детскими таксономиями в других языках, где классификаторы отсутствуют. В то же время не существует классификаторов на основе цвета, так же как классификация по цвету отсутствует в детских наивных картинах мира.

Таким образом, формы, выбираемые в качестве имен классификаторов, отражают перцептивные способности человека. Человеческий мозг быстрее распознает, раньше запоминает, чаще использует в процессе мышления "наилучшие" гештальтные формы, и поэтому именно эти формы получают названия первыми. Следовательно, даже без эмпирической проверки следует ожидать, что такие концепты как "круглый", "плоский", "длинный", "тонкий", "толстый", "широкий", "высокий", "твердый", "легкий", "тяжелый" образуют концептуальные универсалии. (Подробнее перечень лексикализованных признаков, относящихся к физической сфере, приводится в статье У.Фроли [Frawley 1992]).

В результате абстрагирующей работы ума перцептивные признаки могут образовать фундаментальную оппозицию "наличие качества": "недостаток качества", которая лежит в основе многих категорий. Например, в каждом языке существуют такие парные пространственные обозначения как *высокий - низкий, широкий - узкий, далекий - близкий, длинный - короткий* и т.д. В каждой паре первое прилагательное описывает наличие протяженности, а второе - его недостаток. Несмотря на то, что в языке могут выражаться оба противоположных признака, признак «наличие протяженности» имеет более значимый, "лучший" статус по сравнению с противоположным по смыслу признаком. Источник такой асимметрии находится в самой природе. Так, линия остается линией, сколько ее ни продолжай, если же она прерывается, она перестает быть линией. Поэтому естественно представить себе "наличие протяженности" как положительное качество, а отсутствие соответствующего качества как отрицательное.

Дж. Гринберг описывает эту асимметрию в своей *теории маркированности* [Greenberg 1966]. Термин "маркированность" имеет морфологическое происхождение и указывает на то, что некоторые объекты морфологических категорий маркированы в отличие от других. Например, в категории числа в английском языке маркировано множественное число (ср.: *boy: boy-s, day: day-s, idea: idea-s* и т.д.), в то время как немаркированное единственное число представляет всю категорию. Перенос понятия маркированности из морфологии в семантику имеет следующее обоснование. Предложение *How tall is Harry?* не содержит импликации о том, что Гарри высокого роста; насколько Гарри высокий есть лишь вопрос о росте, который может быть и большим и малым, в то время как предложение *How short is Harry?* имплицирует низкорослость Гарри. Таким образом, в паре прилагательных только первое обладает нейтральным смыслом и поэтому служит немаркированным членом

контрастной оппозиции. Маркированность, как утверждает Дж. Лакофф, есть асимметрия в категории, в которой один объект воспринимается как более значимый, чем другой, и образует, таким образом, *прототипический эффект* в языке [Lakoff 1987, 60].

Перцептивные категории, выражаемые в языке, не произвольны не только вследствие единой системы человеческого восприятия, но и благодаря антропоцентрическому характеру когниции, которая весьма опосредованно отражает онтологию мира. Так, знание человека о домашних животных неотделимо от его собственного существования; поэтому о собаке можно сказать, что она послушна воле человека, а кошка гуляет сама по себе, пушиста, и ее приятно гладить [Wierzbicka 1985, 168], а знание о фруктах и овощах касается, в основном, способов их употребления в пищу и выращивания, а также полезных для человека свойств, а не специальных ботанических характеристик. Аналогичным образом, пространственные парные понятия типа "верх"/"низ", "перед"/"зад", "левый"/"правый" антропоцентричны в силу связи с расположением частей тела, таких как голова, перед, зад, макушка, бок, что и отражается в таких наречиях в русском языке как *вперед, назад, впереди, сзади, сбоку, набок* и т.д. Наименования частей тела естественным образом переносятся для измерения положения других объектов, нормально ориентированных в пространстве. Поэтому пространственные параметры, имеющие вполне человеческое происхождение, являются универсальными. Когда человек стоит, то пространство перед ним от поверхности земли наиболее оптимально для зрительного восприятия, поэтому "верх", "высокий" и "перед", "вперед" образуют "положительное" направление; соответственно "верх" и "вперед" легче концептуализируются, чем "вниз" и "назад". Точно так же в оппозиции "правый: левый" "правый" выражает "положительное" качество, так как большинство людей правши.

"Субординация" пространственных параметров, то есть убывание значимости по линии "вертикаль" = "высота": "горизонталь" = "длина" в пользу левой части оппозиции также вполне антропоцентрично, так как вертикальное положение тела имплицитно активнее и потому вызывает интерес у наблюдателя, в то время как горизонтальное, лежащее положение свидетельствует о его пассивности. Исследования, проведенные среди детей, также показывают, что для них естественнее вертикальная асимметрия, чем горизонтальная. Таким образом, верхняя часть предмета для детей, как и для взрослых более значима, чем нижняя, что свидетельствует о доминировании вертикального параметра над горизонтальным в человеческом восприятии.

2.2. Универсальные социальные категории

Социальные категории связаны с условиями существования человека как общественного существа, такими как искусственная среда обитания, информационная и духовная среда, семья и собственность, общественное устройство и т.д. Эти условия в целом образуют понятие общечеловеческой культуры. Обобщенный характер этих признаков культуры позволяет сравнивать все культуры между собой, и в этом смысле можно говорить о всечеловеческих чертах культуры как социально-культурных универсалиях.

Социально-культурные универсалии не зависят от степени развития знания и материальной культуры, поскольку любое сообщество людей обладает определенными четко структурированными институтами. Еще в первой четверти XX в. такие институты выделяет К.Висслер: язык, материальная культура, знание, религия, общество, собственность, государство, война [Wissler 1923].

Семья образует наиболее удобную для изучения и поэтому традиционно изучаемую категорию, связывающую язык и культуру народа. Многочисленные эмпирические исследования огромного количества языков позволяют сделать ряд концептуальных обобщений, касающихся категоризации и лексикализации семейных отношений.

Во всех языках существуют дифференциальные способы обозначения родителей, прародителей, детей и внуков, хотя в некоторых языках одним наименованием может обозначаться отец и брат отца, или же все четыре прародителя (по два с отцовской и материнской стороны). В каждом языке существует различие в обозначении кровных родственников и родственников по браку, несмотря на тенденцию, на которую указывал еще Э.Сэпир, в обозначении родственников по браку через базисные наименования, обозначающие кровных родственников. Пол также различается, по крайней мере, у части родственников во всех языках. Таким образом, все языки дифференциально обозначают, по крайней мере, три признака родственных отношений: "поколение", "кровное родство" и "пол".

Так же как в перцептивных категориях, в социальных категориях универсального характера наблюдается асимметрия в рангах, занимаемых представителями одной и той же категории, что можно определить как проявление языковой маркированности. Например, в языках проявляется доминирование ближних родственников над дальними, кровных родственников над родственниками по браку. В некоторых языках доминирование выражается структурно в употреблении симплексов, то есть корневых номинаций, для положительных немаркированных категорий, в то время как маркированные отрицательные категории обозначаются с помощью комплексов, то есть производных наименований.

Приоритетным, хотя и не универсальным можно считать также положение предков по сравнению с потомками и положение мужских родственников по сравнению с женскими. Приоритет родителей над рожденными можно объяснить, вероятно, из асимметрии между причиной и следствием. Причина доминирует над следствием, поэтому почитание рожденными родителей есть естественный феномен и почти-универсалия, выражаясь языком Р.Якобсона. Асимметрия признаков "мужской" (родственник) и "женский" (родственник) в пользу первого мотивируется исторически господством мужчины в главных сферах социума. Более сложные формы "женских слов" в отличие от "мужских" маркируют их вторичность вследствие общественных установлений. Так, в наименованиях профессий маркированным вариантом пола обычно выступает "женское слово", например, в английском языке: *woman doctor* "женщина-врач", *lady judge* "женщина-судья", *lady senator* "женщина-сенатор", в то время как "мужское слово" является одновременно нейтральным, немаркированным; ср., например, в английском языке *woman doctor* и *doctor*, *lady judge* и *judge*, *lady senator* и *senator*; ср. также асимметрию между содержанием и формой в русских наименованиях профессий, дифференцированных по половому признаку: *доктор* - *докторша* (правильнее сказать: *женщина-доктор*), *врач* - *врачиха* (стилистически нейтральный вариант: *женщина-врач*), *профессор* - *профессорша* (единственное значение: "жена профессора").

Резюмируя изложенное в данном разделе, можно заключить следующее.

Подход, предлагаемый когнитивной наукой к изучению концептуализации мира, позволяет глубже проникнуть в понимание механизма человеческой когниции, создающей универсальные категории. Когнитивное понимание категории с размытостью границ, разным статусом объектов внутри категорий вследствие различных по значимости выделяемых признаков, различением дискретных и градуированных, перцептивных и социальных категорий, противопоставлением логических и прототипических категорий психологически более убедительно объясняет модель мира, чем аристотелевский подход.

Для семантики вообще и семантики универсалий в частности понятие категории есть такое же необходимое звено при переходе от мышления к языку, каким в антропологии является звено между человекообразной обезьяной и обезьяночеловеком. Присутствуя в докогнитивистской семантике только как экстенционал наименования, понятие категории не может объяснить принципиального изоморфизма человеческих языков. Когнитивный подход позволяет устранить этот пробел, фокусируя

внимание на единых принципах категоризации и структуры категорий во всех языках. Перцептивные и социальные категории показывают, что универсализм лежит в самой человеческой природе носителей языков, так же как средний уровень категоризации указывает на универсальную стратегию языков в именовании категорий путем сглаживания чрезмерно общих и чрезмерно специфических признаков, что объясняется, в конечном счете, стратегией человеческого мозга. Вместе с тем теория категоризации не должна претендовать на описание всей языковой семантики в духе установки "прототип спасает", так как эта установка так же не обоснована, как претензия структурной лингвистики на представление всей науки о языке. Объявление логического подхода ложным и вознесение на пьедестал прототипической теории ничего кроме вреда для науки не может принести. Как показывает А.Вежбицкая на группе примеров, семантика языковых единиц может описываться как с помощью необходимых и достаточных признаков, так и с помощью прототипов, используемых как инструмент анализа, а не как "универсальная гносеологическая отмычка" [Вежбицкая 1996а, 202]. Если можно согласиться с тем, что категории в определенной степени размыты, то это не означает, что их описание, то есть толкование значений в естественном языке так же должно быть размытым. Проблема описания становится особенно важной применительно к сопоставлению содержательных структур языков; такое сопоставление должно исходить из presuppositions о необходимых и достаточных признаках, образующих основу межязыковой сопоставимости. Таким образом, когнитивная семантика не должна исключать традиционной и структурной семасиологии, а образовать синтез, позволяющий более успешно решать поставленные задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абаев В.И.** Языкознание описательное и объяснительное: о классификации наук // Вопросы языкознания, 1986, 2: 27–39.
2. **Авоян Р.Г.** Значение в языке. Философский анализ. – М., 1985.
3. Античные теории языка и стиля. – М., 1936.
4. **Апресян Ю.Д.** Лексическая семантика. – М., 1974.
5. **Аракин В.Д.** Сопоставительная типология скандинавских языков. – М., 1984.
6. **Арутюнова Н.Д.** К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980: 156–249.
7. **Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.** Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985, 16: 3–42.
8. **Ахманова О.С.** Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957.
9. **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
10. **Бабушкин А.Л.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. – Автореферат докторской диссертации. Воронеж, 1998.
11. **Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1954.
12. **Бархударов Л.С.** К вопросу о типах межязыковых лексических соответствий // Иностранные языки в школе, 1980, 5: 11–17.
13. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика. – М., 1974.
14. **Бережан С.Г.** Семантическая эквивалентность лексических единиц. – Кишинев, 1973.
15. **Бирнбаум Х.** Генетические и типологические методы внешнего сравнения языков // Вопросы языкознания, 1993, 4: 5–17.
16. **Бондарко А.В.** К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // Вопросы языкознания, 1992, 3: 5–20.
17. **Брутян Г.А.** Гипотеза Сепира–Уорфа. – Ереван, 1972.
18. **Будагов Р.А.** Введение в науку о языке. – М., 1956.
19. **Будагов Р.А.** Сходства и несходства между родственными языками. – М., 1985.
20. **Буранов Дж.** Сравнительная типология английского и тюркских языков. – М., 1983.
21. **Вандриес Ж.** Язык. – М., 1937.
22. **Варина В.Г.** Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976: 233–244.

23. **Васильев С.А.** Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. – Киев, 1974.
24. **Васильев Л.М.** Современная лингвистическая семантика. – М., 1990.
25. **Вахек Й.** Лингвистический словарь Пражской школы. – М., 1964.
26. **Вежбицкая А.** Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Анна Вежбицкая. Язык, культура, познание. М., 1996: 231–290.
27. **Вежбицкая А.** Прототипы и инварианты // Анна Вежбицкая. Язык, культура, познание. М., 1996: 201–230.
28. **Вежбицкая А.** Семантические универсалии и "примитивное мышление" // Анна Вежбицкая. Язык, культура, познание. М., 1996: 291–325.
29. **Вейнрейх У.** О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. М., 1970, 5: 163–249.
30. **Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.** Язык и культура. – М., 1976.
31. **Витгенштейн Л.** Философские исследования // Л. Витгенштейн. Философские работы, 1. М., 1994: 80–319.
32. **Гак В.Г.** К типологии типологических исследований // Тезисы дискуссии "Типология как раздел языкознания". М., 1976: 54–55.
33. **Гак В.Г. (а)** К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977: 230–293.
34. **Гак В.Г. (б)** Сопоставительная лексикология. – М., 1977.
35. **Гак В.Г. (в)** Сравнительная типология французского и русского языков. – Л., 1977.
36. **Гарипов Т.М.** О семантической дифференциации коррелирующих слов в близкородственных языках // Проблемы семантики. М., 1974: 369–375.
37. **Голев Н.Д.** Динамический аспект лексической мотивации. – Томск, 1989.
38. **Городецкий В.Ю.** К проблеме семантической типологии. – М., 1969.
39. **Гринберг Дж.** Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. М., 1963, 3: 60–94.
40. **Гринберг Дж.** Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. М., 1970, 5: 114–162.
41. **Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж.** Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. М., 1970, 5: 31–44.
42. **Гудаевичус А.** О содержании семантической типологии // Всесоюзная конференция по лингвистической типологии (тезисы докладов). М., 1990: 45–47.
43. **Гумбольдт В. фон.** О различии строения человеческих языков и его

- влиянии на духовное развитие человечества // В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984: 34–298.
44. **Гухман М.М.** Универсалии и типологические исследования // Универсалии и их место в типологических исследованиях (тезисы докладов). М., 1976: 5–6.
45. **Гухман М.М.** Историческая типология и проблема диахронических констант. – М., 1981.
46. **Деже Л.** Некоторые замечания о роли приложения типологии к контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989, 25: 179–186.
47. **Добровольский Д.О.** К проблеме лексико-семантических универсалий // Научные доклады высшей школы: филологические науки, 1986, 5: 23–36.
48. **Дубчинский В.В.** Лексические параллели. – Харьков, 1993.
49. **Дурст-Андерсен П.В.** Ментальная грамматика и лингвистические супертипы // Вопросы языкознания, 1995, 2: 30–42.
50. **Ельмслев Л.** Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960, 1: 264–389.
51. **Есперсен О.** Философия грамматики. – М., 1958.
52. **Звегинцев В.Л.** Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сэпира–Уорфа // Новое в лингвистике. М., 1960, 1: 111–134.
53. **Зевахина Т.С.** К вопросу об универсалиях в области полисемии // Лингвистическая типология. М., 1985: 123–132.
54. **Зеленецкий Л.Л., Монахов П.Ф.** Сравнительная типология немецкого и русского языков. – М., 1983.
55. **Карасев О.В.** О необходимых онтологических допущениях в сопоставительно-типологических исследованиях в лингвистике // Вопросы метода в сравнительно-типологическом исследовании языков. Пятигорск, 1984: 26–35.
56. **Караулов Ю.Н.** Общая и русская идеография. – М., 1976.
57. **Караулов Ю.Н.** Частотный словарь семантических множителей русского языка. – М., 1983.
58. **Кацнельсон С.Д.** Типология языка и речевое мышление. – М., 1972.
59. **Кацнельсон С.Д.** Общее и типологическое языкознание. – Л., 1986.
60. **Кибрик А.Е.** Типология таксономическая или объяснительная, статическая или динамическая // Вопросы языкознания, 1989, 1: 5–15.
61. **Кибрик А.Е.** Очерки по общим и прикладным вопросам теории языкознания: универсальное, типовое и специфическое в языке. – М., 1992.
62. **Княк Т.Р.** О «внутренней форме» лексических единиц // Вопросы языкознания, 1987, 3: 58–68.
63. **Климов Г.А.** Вопросы контентивно-типологического описания языков

// Принципы описания языков мира. М., 1976: 122–146.

64. **Климов Г.А.** К взаимоотношению генеалогической и ареальной классификации языков // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1986: 6–23.

65. **Козинский И.Ш.** К вопросу об исключениях из лингвистических универсалий // Лингвистическая типология. М., 1985: 133–143.

66. **Колшанский Г.В.** Логика и структура языка. – М., 1965.

67. **Колшанский Г.В.** Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 1975.

68. **Колшанский Г.В.** Универсальная и частная типология языка // Лингвистическая типология. М., 1985: 13–18.

69. **Колшанский Г.В.** Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990.

70. **Коменская О.Л.** Три семантики слова // Язык и модель мира. Сборник научных трудов МГЛУ. М., 1993, 416: 39–47.

71. **Комлев Н.Г.** Компоненты содержательной структуры слова. – М., 1969.

72. **Конечкая В.П.** Введение в сопоставительную лексикологию германских языков. – М., 1993.

73. **Кошечая И.Г., Дубовский Ю.А.** Сравнительная типология английского и русского языков. – Минск, 1986.

74. **Крюков А.Н.** Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихоллингвистика. М., 1988: 19–34.

75. **Кубрякова Е.С.** Теория номинации и словообразование // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977: 222–303.

76. **Кубрякова Е.С.** Типология и лингвистическая теория: когнитивное направление в исследовании языков // Всесоюзная конференция по лингвистической типологии (тезисы докладов). М., 1990: 85–87.

77. **Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.** Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.

78. **Кузнецов А.М.** Структурно-семантические параметры в лексике (на материале английского языка). – М., 1980.

79. **Лабов У.** Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983, 14: 133–176.

80. **Ладо Р.** Лингвистика поверх культур // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989, 25: 32–62.

81. **Лакофф Дж.** Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988, 23: 12–51.

82. **Лебедева Л.Б.** Проблема универсалий и проявление антонимии в разных языках // Сопоставительно-семантические исследования русского языка. Воронеж, 1980: 25–30.

83. **Левецкий В.В.** Типологическое изучение смысловой структуры слова // Вопросы семантики. Л., 1976, 2: 3–12.

84. **Левецкий В.В.** Типы лексических микросистем и критерии их различия // Научные доклады высшей школы: филологические науки, 1988, 5: 66–73.

85. **Левецкий В.В., Стернин И.А.** Экспериментальные методы в семасиологии. – Воронеж, 1989.

86. **Лейбниц Г.В.** Сочинения в 4-х томах. – М., 1984, 4.

87. **Маковский М.М.** Опыт типологической характеристики лексико-семантических систем // Вопросы языкознания, 1969, 3: 24–36.

88. **Маковский М.М.** Теория лексической аттракции. – М., 1971.

89. **Маковский М.М.** Картина мира и миры образов // Вопросы языкознания, 1992, 6: 36–53.

90. **Марр Н.Я.** Яфетическая теория. – Баку, 1927.

91. **Маслова-Лашанская С.С.** Лексикология шведского языка. – Л., 1973.

92. **Матезиус В.** О лингвистической характерологии // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989, 25: 18–26.

93. **Моррис Ч.** Основание теории знаков // Семиотика. М., 1983.

94. **Нерознак В.П.** О трех подходах к изучению языков в рамках синхронного сравнения (типологический – характерологический – контрастивный) // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М., 1987: 5–26.

95. **Никитин М.В.** Лексическое значение слова. – М., 1983.

96. **Панфилов В.З.** Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М., 1982.

97. **Перельмутер И.С.** Прощание с мифами лингвистической типологии // Всесоюзная конференция по лингвистической типологии (тезисы докладов). М., 1990: 130–131.

98. **Перцова Н.Н.** Семантика слова в лингвистической концепции Г.В.Лейбница // Предварительные публикации. М., 1985, 165.

99. **Поппер К.** Логика и рост научного знания. – М., 1983.

100. **Постовалова В.И.** Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988: 8–69.

101. **Потебня А.А.** Мысль и язык. – Харьков, 1913.

102. **Пьетро Ди Р.Дж.** Языковые структуры в контрасте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989, 25: 82–120.

103. **Рамат П.** Универсалии и типология // Вопросы языкознания, 1986, 2: 17–26.

104. **Рождественский Ю.В.** Типология слова. – М., 1969.

105. **Серебрянников Б.А.** К критике некоторых методов типологических

исследований // Вопросы языкознания, 1958, 5: 24–33.

106. **Серебренников Б.А.** О лингвистических универсалиях // Вопросы языкознания, 1972, 2: 3–16.

107. **Серебренников Б.А.** Номинация и проблема выбора // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977: 147–187.

108. **Серебренников Б.А.** Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988: 70–86.

109. **Серебренников Б.А.** Правомерно ли имплицативные связи между элементами языка рассматривать как показатель его типа и системности? // Историческая лингвистика и типология. М., 1991: 16–20.

110. **Серль Дж.** Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М., 1987: 96–126.

111. **Сетаров Д.С.** Типология номинации, мотивации и лексико-семантических преобразований. – Вильнюс, 1988.

112. **Симонов П.В.** Теория отражения и психофизиология эмоций. – М., 1970.

113. **Скаличка В.** К вопросу о типологии // Вопросы языкознания, 1966, 4: 22–30.

114. **Скаличка В.** Типология и сопоставительная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989, 25: 27–31.

115. **Соколовская Ж.П.** "Картина мира" в значениях слов: семантические фантазии или катехизис семантики? – Симферополь, 1993.

116. **Солнцев В.М.** Язык как системно-структурное образование. – М., 1977.

117. **Солнцев В.М.** Типология и тип языка // Вопросы языкознания, 1978, 2: 26–42.

118. **Солодуб Ю.П.** Типология значений языковых единиц докоммуникативного уровня (функциональный аспект анализа) // Научные доклады высшей школы: филологические науки, 1988, 5: 37–46.

119. **Соломник А.** Язык как знаковая система. – М., 1992.

120. **Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики // Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977: 36–269.

121. **Степанов Г.В.** Введение // Грамматика и семантика романских языков (к проблеме универсалий). М., 1978: 3–32.

122. **Стернин И.А.** Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж, 1979.

123. **Стернин И.А.** Национально-культурные компоненты в структуре значения слова // Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного. Воронеж, 1984: 140–145.

124. **Стивенсон С.** Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985, 16: 129–154.

125. **Супрун А.Е.** Сопоставительно-типологический анализ лексики // Методы изучения лексики. Минск, 1975: 163–170.

126. **Супрун А.Е.** Принципы сопоставительного изучения лексики // Методы сопоставительного изучения языков. М., 1988: 26–31.

127. **Сэпир Э.** Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985, 16: 43–78.

128. **Сэпир Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.

129. **Сятковский С.** Природа и специфика сопоставительного языкознания // Вопросы изучения русского языка в сопоставлении с другими языками. М., 1986: 6–24.

130. **Телия В.Н.** Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977: 129–221.

131. **Телия В.Н.** Семантика связанных значений слов и их сочетаемость // Аспекты семантических исследований. М., 1980: 250–319.

132. **Тестелец Я.Г.** И.Ш. Козинский и лингвистическая типология // Вопросы языкознания, 1991, 1: 126–140.

133. **Ульман С.** Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М., 1970, 5: 250–299.

134. **Уорф Б.Л.** Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. М., 1960, 1: 183–198.

135. **Успенский Б.А.** Структурная типология языков. – М., 1965.

136. **Успенский Б.А.** Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языка // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969: 5–18.

137. **Успенский Б.А.** Проблема универсалий в языкознании // Новое в лингвистике. М., 1970, 5: 5–30.

138. **Уфимцева А.А.** О типологическом изучении лексики // Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966: 218–235.

139. **Уфимцева А.А.** Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977: 7–98.

140. **Фефилов А.И.** Основы конфронтативного анализа лексики немецкого и русского языков. – Куйбышев, 1985.

141. **Филмор Ч.Дж.** Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983, 14: 23–60.

142. **Фрумкина Р.М., Мостовая А.Д., Михеев А.Б.** Семантика и категоризация. – М., 1991.

143. **Хайруллин В.И.** Лингвистическая относительность и языковая избирательность // Контрастивная лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов МГУ. М., 1987, 300: 109–117.
144. **Хенингсвальд Г.** Существуют ли универсалии языковых изменений? // Новое в лингвистике. М., 1970, 5: 77–104.
145. **Хоккет Ч.** Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. М., 1970, 5: 45–76.
146. **Хэар Р.М.** Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985, 16: 183–195.
147. **Чанышев А.Н.** Курс лекций по древней философии. – М., 1981.
148. **Чейф Л.** Значение и структура языка. – М., 1975.
149. **Шараденидзе Т.О.** Типология языков в синхроническом и диахроническом плане. – Тбилиси, 1982.
150. **Шафиков С.Г.** Анализ лексико-семантических единиц, обозначающих одежду, в английском языке в сопоставлении с французским. – Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1980.
151. **Шафиков С.Г.** Таксономическая глубина и культурное значение слова // Лексическая семантика. Уфа, 1993: 76–81.
152. **Шафиков С.Г.** Семантические универсалии в лексике. – Уфа, 1996.
153. **Шахмайкин А.М.** Некоторые принципы организации семантики естественных языков (для целей естественных языков). – Автореферат кандидатской диссертации. М., 1986.
154. **Шмелев Д.Н.** Современный русский язык: Лексика. – М., 1977.
155. **Юсупов У.К.** Проблемы сопоставительной лингвистики. – Ташкент, 1980.
156. **Якобсон Р.О.** Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. М., 1963, 3: 95–105.
157. **Ярцева В.Н.** Современная типология и ее связь с контрастивной лингвистикой // Научные доклады высшей школы: филологические науки, 1978, 5: 6–15.
158. **Ярцева В.Н.** Контрастивная грамматика. – М., 1981.
159. **Ярцева В.Н.** Сопоставительная лингвистика и проблема вариативности языка // Научные доклады высшей школы: филологические науки, 1986, 5: 3–11.
160. **Яхонтов С.Е.** Типология лингвистических типологий // Всесоюзная конференция по лингвистической типологии (тезисы докладов). М., 1990: 191–192.
161. **Агински В. & Е.** The importance of language universals // Word, 1948:

- 168–172.
162. **Ardener H.** Social anthropology, language and reality // Semantic anthropology. London, 1982: 1–14.
163. **Arens H.** Aristotle's theory of language and tradition // Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science, 3: studies in the history of linguistics. Amsterdam, 1984, 29.
164. **Bendix E.** Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese // International journal of American linguistics, 1966, 32, 2: 1–190.
165. **Berlin B., Kay P.** Basic color terms, their universality and evolution. – Berkley, 1969.
166. **Berlin B., Bredlove D.E., Raven P.H.** General principles of classification and nomenclature in folk biology // American anthropologist, 1973, 75: 214–242.
167. **Bickerton D.** Language and species. – Chicago, 1990.
168. **Bolinger D.** Language the loaded weapon. – N.Y., 1980.
169. **Carrol J.** Linguistic relativity, contrastive linguistics and language learning // Studies in contrastive linguistics and error analysis. Heidelberg, 1972, 2: 7–30.
170. **Chomsky N.** Language problems of knowledge (the Managua lectures). – London, 1988.
171. **Clark E.V. & Clark H.H.** Universals, relativity and language processing // Universals of human language. Stanford, 1978, 1: 225–277.
172. **Comrie B.** Linguistic typology // Linguistics: The Cambridge Survey: Linguistic theory: Foundations. Cambridge, 1988, 1: 447–461.
173. **Comrie B.** Language universals and linguistic typology: syntax and morphology. – Oxford, 1981.
174. **Comrie B.** Holistic versus partial typologies // Proceedings of the 14th International Congress of linguists. Berlin, 1990, 1: 139–148.
175. **Coseriu E.** Les universaux linguistiques (et les autres) // Proceedings of the 11th International Congress of linguists. Bologna, 1974, 1: 47–73.
176. **Coseriu E.** Introduction. Der Sinn der Sprachtypologie // TCLC 20, 1980: 157–170.
177. **Cruse D.** Lexical semantics. – Cambridge, 1986.
178. **Danchin A.** Biological foundations of language: a comment on N. Chomsky's approach to syntactical structures // Noam Chomsky. Consensus and controversy. N.Y., 1987: 29–39.
179. **Devitt M., Sterelny K.** Language and reality. An introduction to the philosophy of language. – Cambridge, 1987.
180. **Dezsö L.** Continuum and typology // Language invariants and mental

operations (International interdisciplinary conference, Cologne, 1983). Tübingen, 1985: 88–96.

181. **Ducháček O.** Quelques observations sur les structures sémantiques // *Folia linguistica*, 1975, 7, 3/4: 245–252.

182. **Eckman F.R.** Universals, typologies and interlanguage // *Language universals and second language acquisition*. Amsterdam, 1987: 79–105.

183. **Eco U.** The search for the perfect language. – Oxford, 1995.

184. **Fodor J.A.** Psychosemantics: the problem of meaning in the philosophy of mind. – Cambridge, 1988.

185. **Fodor J.A.** The language of thought. – Cambridge, 1980.

186. **Frawley W.** Some semantic lessons for lexicographers // *Language and civilization: a concerted profusion of essays and studies in honour of Otto Heitsch*. Frankfurt-am-Main, 1992, 2: 232–241.

187. **Gabelentz G. van der.** Die Sprachwissenschaft. Ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leipzig, 1901.

188. **Gass S., Ard J.** Second language acquisition and the ontology of language universals // *Language universals and second language acquisition*. Amsterdam, 1987: 33–68.

189. **Gipper H., Schwartz H.** Bibliographisches Handbuch zur Sprachinhaltsforschung // *Schriften zur Sprachinhaltsforschung in alphabetischer Folge nach Verfassen mit Besprechungen und Inhaltshinweisen*. Köln, 1962, 1.

190. **Gopnik A.** Conceptual and semantic change in scientists and children: why there are no semantic universals // *Explorations for language universals*. N.Y., 1984: 163–179.

191. **Greenberg J.H.** Diachrony, synchrony and language universals // *Universals of human language: method and theory*. Stanford, 1978, 1: 63–91.

192. **Greenberg J.H.** Language typology: a historical and analytical overview. – The Hague, 1974.

193. **Greenberg J.H.** Language universals. – The Hague, 1966.

194. **Greenberg J.H.** The nature and uses of linguistic typologies // *International journal of American linguistics*, 1957, 23, 2: 68–77.

195. **Greenberg J.H.** Typology and cross-linguistic generalizations // *Universals of human language: method and theory*. Stanford, 1978, 1: 34–59.

196. **Hagège C.** La structure des langues. – Paris, 1982.

197. **Harris R.** The language myth. – Worcester, 1981.

198. **Hawkins J.A.** A comparative study of English and German. – London, 1980.

199. **Heatherington M.E.** How language works. – Cambridge, 1980.

200. **Hill J.H.** Language, culture and world view // *Linguistics: the Cambridge Survey: Language – the socio-cultural context*. – Cambridge, 1988, 4: 14–36.

201. **Hjelmslev L.** Language. An abstraction. – London, 1970.

202. **Hughes G.** Half angels and half bird: binary oppositions in the categorization of women // *Language and civilization: a concerted profusion of essays and studies in honour of Otto Heitsch*. Frankfurt-am-Main, 1992, 2: 398–418.

203. **Hurvich G.** Color vision. – Sunderland, 1981.

204. **Jackendoff R.** Semantics and cognition. – London, 1986.

205. **Jakobson R.** On translation. – Cambridge, 1959.

206. **Jakobson R.** Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics // *R. Jakobson. On language*. Cambridge, 1990: 143–151.

207. **James C.** Contrastive analysis. – Harlow, 1980.

208. **Jespersen O.** Efficiency and linguistic change. – Copenhagen, 1941.

209. **Jespersen O.** Language, its nature, development and origin. – London, 1922.

210. **Jespersen O.** Mankind, nation and individual from a linguistic point of view. – Oslo, 1925.

211. **John-Steiner V.** Cognitive pluralism: a Whorfian analysis // *The influence of language on culture and thought: essays in honour of J.A. Fishman's 65th birthday*. Berlin, 1991: 61–74.

212. **Joseph J.E.** Natural grammar, arbitrary lexicon: an enduring parallel in the history of linguistic thought // *Language and communication – an interdisciplinary journal*, 1995, 15, 3: 213–225.

213. **Katz J.** Semantic theory. – N.Y., 1972.

214. **Kay R., Kempton W.** What is the Sapir-Whorf hypothesis // *American anthropologist*, 1984, 86, 1: 65–79.

215. **Keefer M.** On functional explanations of language change, universals and rules // *Functional explanations in linguistics: Belgian journal of linguistics*. 1986, 1: 53–66.

216. **Lakoff G.** Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind. – Chicago, 1987.

217. **Langacker R.W.** Language and its structure. – N.Y., 1973.

218. **Lehman Ch.** Lexically based typology // *Proceedings of the 14th International Congress of linguists (Berlin, 1987)*. Berlin, 1990, 2: 2380–2395.

219. **Lehman Ch.** Studies in general linguistics // *AKUP (Arbeiten des Kölner Universalienprojekts)*, 1988, 71.

220. **Lehman W.** Language. An introduction. – N.Y., 1982.

221. **Lyons J.** Natural language and universal grammar: essays in linguistic theory. – Cambridge, 1991, 1.

222. **Macnamara J.** Linguistic relativity revisited // *The influence of language on culture and thought: essays in honour of J.A. Fishman's 65th birthday*. Berlin,

- 1991: 45–60.
223. **Makkai A.** Idiomaticity as a language universal // Universals of human language: word structure. Stanford, 1978, 3: 403–448.
224. **Markova I.** Paradigms, thought and language. – Chichester, 1982.
225. **Martinet A.** A functional view of language. – Oxford, 1962.
226. **Mathio M.** An approach to the cognitive study of language. – The Hague, 1968.
227. **McCarthy M.** Vocabulary. – Oxford, 1990.
228. **Meillet A.** Linguistique historique et linguistique generale. – Paris, 1948.
229. **Milewski T.** Introduction to the study of language. – Mouton, 1973.
230. **Müller G.** Towards a semantic typology of languages // Meaning and grammar. 1992.
231. **Nedjalkov V.P., Litvinov V.D.** The St. Petersburg / Leningrad typology group // Approaches to language typology. Oxford, 1995: 215–271.
232. **Nickols J.** Head-marking and dependent-marking grammar // Language, 1986, 62: 56–119.
233. **Osgood Ch.** Explorations in semantic space // Focus on meaning, 1. The Hague, 1979.
234. **Osgood Ch.** The cross-cultural generality of visual-verbal synesthetic tendencies // Language, meaning and culture. The selected papers of C.E. Osgood. N.Y., 1990: 203–234.
235. **Penn J.** Linguistic relativity versus innate ideas. – The Hague, 1972.
236. **Plank F.** Hypology, typology: the Gabelentz puzzle // Folia Linguistica, 1991, 25: 421–458.
237. **Ramat P.** Typological comparison: towards a historical perspective // Approaches to language typology. Oxford, 1995: 27–48.
238. **Rapoport A.** Semantics. – N.Y., 1975.
239. **Raybeck D., Harmann D.** Antonymy and semantic relations: the case for a linguistic universal // Cross-cultural research, 1996, 30, 2: 154–183.
240. **Rosch E.** Cognitive representations of semantic categories // Journal of experimental psychology: Generals, 1975, 104: 192–233.
241. **Rosch E.** Natural categories // Cognitive psychology. 1973, 4: 328–350.
242. **Rosch E.** On the internal structure of perceptual and semantic categories // Cognitive development and the acquisition of language. N.Y., 1973: 111–144.
243. **Saugstad P.** A theory of language and understanding. – Oslo, 1980.
244. **Schlegel F.** Über die Sprache und Weisheit der Indien. – Heidelberg, 1808.
245. **Schlesinger M.** The wax and wane of Whorfian views // The influence of language on culture and thought: essays in honour of J.A. Fishman's 65th birthday. Berlin, 1991: 7–44.
246. **Searle J.K.** The background of meaning // Speech act theory and pragmatics. Dordrecht, 1980.
247. **Seiler H.J.** Apprehension: language, object and order: the universal dimension of apprehension. – Tübingen, 1986, 3.
248. **Seiler H.J.** Cognitive-conceptual structure and linguistic encoding: language universals and typology in the UNITYP framework // Approaches to language typology. Oxford, 1995: 273–325.
249. **Sgall P.** Prague school typology // Approaches to language typology. Oxford, 1995: 49–84.
250. **Shibatani M., Bynon Th.** Approaches to language typology: a conspectus // Approaches to language typology. Oxford, 1995: 1–25.
251. **Skalička V.** <рецензия на книгу>: Robins J.H. General linguistics: an introductory survey. – London, 1964 // Linguistics, 1966, 24: 121–123.
252. **Skalička V.** Wortschatz und Typologie // Asian and African studies. Bratislava, 1965, 1.
253. **Smith N.** Universals and typology // Noam Chomsky. Consensus and controversy. N.Y., 1987: 57–66.
254. **Taylor J.R.** Linguistic categorization. Prototypes in linguistic theory. – Oxford, 1989.
255. **Ullmann S.** Language and style. – N.Y., 1964.
256. **Ullmann S.** Précis de sémantique française. – Berne, 1952.
257. **Ungerer F., Schmid H.J.** An introduction to cognitive linguistics. – London, 1996.
258. **Wallace A.** The problem of the psychological validity of componential analysis // American anthropologist, 1965, 67, 5: 229–236.
259. **Wierzbicka A.** Lexicography and conceptual analysis. – Ann Arbor, 1985.
260. **Wierzbicka A.** Lingua Mentalis. The semantics of natural language. – Sydney, 1980.
261. **Wissler K.** Man and culture. – N.Y., 1923.
262. **Witkowski S., Brown C.** Climate, clothing and body-part nomenclature // Ethnology, 1985, 24, 3: 197–214.